

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ

Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ:
СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА**

**Сборник материалов
круглого стола
2 ноября 2016 года**

Санкт-Петербург
2017

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Сборник статей по материалам круглого стола: 02 ноября 2016 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Сост. К. Б. Калиновский, Л. А. Зашляпин. Под общей редакцией А. В. Шишлова. — СПб: ИД «Петрополис», 2017. — 100 с.

Редакционная коллегия:

А. В. Шишлов — Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге, кандидат физико-математических наук;

К. Б. Калиновский — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент;

Л. А. Зашляпин — доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

Сборник посвящен актуальным проблемам совершенствования практики применения мер пресечения и нахождения разумного и справедливого баланса между интересами предварительного следствия и правами подвергнувшихся уголовному преследованию граждан.

В него вошли тексты докладов и выступлений участников круглого стола «Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина», организованного 2 ноября 2016 года Уполномоченным по правам человека Санкт-Петербурга совместно с кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется вопросами обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве.

ISBN 978-5-9676-0850-6

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2017

© Коллектив авторов, 2017

© ИД «Петрополис», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Шишилов А. В.</i>	
Проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при применении меры пресечения в виде заключения под стражу: на материалах Санкт-Петербурга	7
<i>Анисимова Л. В.</i>	
Соблюдение прав человека и обеспечение баланса публичных и частных интересов при применении мер пресечения в уголовном судопроизводстве ...	14
<i>Быстрова Н. С.</i>	
Проблемные вопросы применения меры пресечения в виде домашнего ареста..	25
<i>Дикаева М. С.</i>	
О влиянии практики применения мер пресечения на назначение уголовного наказания.....	30
<i>Калиновский К. Б.</i>	
Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения	36
<i>Кузнецова Е. В.</i>	
О проблемах обеспечения прав граждан при применении меры пресечения в виде заключения под стражу женщин	58
<i>Лапинский В. В.</i>	
Некоторые проблемы продления срока содержания под стражей и домашнего ареста в предварительном слушании	64
<i>Подпригора Д. А.</i>	
Практика оценки судом возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	67
<i>Смирнов Д. Ю.</i>	
Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина.....	71
<i>Топильская Е. В.</i>	
Заключение под стражу: позиции сторон; теория и практика	75

CONTENT

<i>Shishlov A. V.</i>	
COMPLIANCE ISSUES OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION: ON MATERIALS OF ST. PETERSBURG	7
<i>Anisimova L. V.</i>	
HUMAN RIGHTS OBSERVATION AND BALANCE ENSURING OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN CASE OF RESTRAINT MEASURES APPLICATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....	14
<i>Bystrova N. S.</i>	
PROBLEMATIC ISSUES OF APPLICATION OF A RESTRAINT MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST	25
<i>Dikayeva M. S.</i>	
THE INFLUENCE OF THE APPLICATION OF RESTRAINT MEASURES ON THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PUNISHMENT.....	30
<i>Kalinovsky K. B.</i>	
PROVIDING THE RIGHTS OF A SUSPECT AND ACCUSED DURING THE CHOICE AND APPLICATION OF A RESTRAINT MEASURE IN THE FORM OF PRE-TRIAL DETENTION INTO CUSTODY: PROBLEMS OF ENHANCEMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AND PRACTICE OF ITS APPLICATION.....	36
<i>Kuznetsova E. V.</i>	
ON THE PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF CITIZENS WHEN RESTRAINT MEASURE USED IN THE FORM OF WOMEN DETENTION.....	58
<i>Lapinsky V. V.</i>	
SOME PROBLEMS OF EXTENDING THE DETENTION PERIOD AND HOUSE ARREST IN PRELIMINARY HEARING.....	64
<i>Podprigora D. A.</i>	
THE PRACTICE OF THE COURT ASSESS THE POSSIBILITY OF THE ACCUSED (SUSPECT) TO ESCAPE WHILE CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE N THE FORM OF DETENTION	67
<i>Smirnov D. Yu.</i>	
THE USE OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF CUSTODY: RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN	71
<i>Topilskaya E. V.</i>	
DETENTION: POSITIONS OF THE PARTIES. THEORY AND PRACTICE.....	75

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2014–2015 годах Уполномоченным по правам человека в Санкт-Петербурге были проведены рабочие встречи — совещания с представителями судейского и адвокатского сообществ, Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу и УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, представителями институтов гражданского общества по возникающим в работе общим проблемным вопросам.

Как показала практика и итоги проведенных рабочих встреч, наиболее актуальными являются вопросы практики применения мер пресечения в виде заключения под стражу и альтернативных мер пресечения; проблемы переполняемости следственных изоляторов, большое удельное число лиц, освобождаемых из следственных изоляторов и не направляемых для отбывания наказания в места лишения свободы, реализация правовых позиций в сфере применения мер пресечения Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

Обсуждению этих вопросов был посвящен круглый стол, проведенный 2 ноября 2016 года на базе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. На круглом столе выступили заместитель управляющего делами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. В. Тамбовцев, Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге А. В. Шишлов, Уполномоченный по правам человека в Архангельске Л. В. Анисимова, советник Конституционного Суда Российской Федерации А. В. Смирнов, адвокаты Б. Б. Грузд, В. В. Лапинский, исполняющий обязанности начальника Главного управления Минюста России по Санкт-Петербургу Д. Ю. Смирнов, руководитель первого следственного отдела второго управления по рассмотрению особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации

по Санкт-Петербургу А. В. Осипкин, старший следователь второго отдела Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Н. С. Быстрова, помощник начальника УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Е. В. Кузнецова, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге К. Д. Титаев, а также представители Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации К. Б. Калиновский, судья в отставке Л. И. Суханкина, доцент кафедры уголовного права Е. В. Топильская, доклады и сообщения, которых представлены в настоящем сборнике.

Организаторы круглого стола выражают признательность всем, кто принял в нем участие и нашел возможность представить тексты для публикации.

Шушлов А. В. 1

Shishlov A. V.

**ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПОД СТРАЖУ: НА МАТЕРИАЛАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

**COMPLIANCE ISSUES OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND
CITIZEN IN THE APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE
IN THE FORM OF DETENTION: ON MATERIALS OF ST. PETERSBURG**

Рассматриваются проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

The problems of human rights and freedoms and the application of restraint measures in the form of detention are considered.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, права человека.

Keywords: restraint measures, detention, human rights.

Обеспечение прав человека при применении меры пресечения в виде заключения под стражу является одним из важных направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге (далее — Уполномоченный).

В докладе Уполномоченного за 2015 год² выражалась озабоченность практикой рассмотрения районными судами Санкт-Петербурга ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, в 2015 году районными судами рассмотрено 4886 таких ходатайств, из них удовлетворено 4481, что

¹ ШИШЛОВ Александр Владимирович, Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге, кандидат физико-математических наук.

SHISHLOV Alexander, Human Rights Ombudsman in St. Petersburg, PhD in Physics and Mathematics.

² Доклад о деятельности Уполномоченного и соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Санкт-Петербурге за 2015 год // URL: www.ombudsmanspb.ru/files/files/doklad_2015/DOKLAD_2015_site.pdf (дата обращения 12.12.2016).

составляет 91%. Процент удовлетворения ходатайств о продлении срока содержания под стражей еще выше — в 2015 году он составил 98%. Было отмечено, что заключение под стражу должно применяться лишь в строго необходимых случаях с учетом практики Европейского Суда по правам человека и постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41.

В 2016 году примерно 10% от общего количества поступающих в адрес Уполномоченного обращений от лиц, содержащихся под стражей, и их защитников связаны с применением меры пресечения в виде заключения под стражу. На существующие в этой области проблемы обращают внимание представители УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Министерства юстиции Российской Федерации, прокуратуры Санкт-Петербурга, адвокатского сообщества и правозащитных организаций.

Теоретические аспекты проблемы заключения под стражу как меры пресечения привлекают внимание многих исследователей³. Заключение под стражу, как одна из основных мер процессуального принуждения, имеет большое значение для обеспечения успешного осуществления уголовно-процессуальной деятельности и достижения ее целей. Особое значение имеет ее правозащитный аспект — ведь эта мера пресечения связана с существенным ограничением конституционных прав и свобод граждан. Лица, к которым она применяется, оказываются фактически в положении лишенных свободы без осуждения судом за совершенное преступление. При применении данной меры пресечения значительным ограничениям подвергаются права и законные интересы лица, в отношении которого она избрана. Часть 3 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривается зачет времени, проведенного осужденным под стражей, в общий срок лишения свободы, поскольку по своему характеру заключение под

³ См.: Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Научный комментарий некоторых оснований заключения под стражу // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 134–137; Сидорова И. В. Заключение под стражу как мера пресечения // Научно-образовательный потенциал молодёжи в решении актуальных проблем XXI века. 2015. № 3. С. 421–424; Червоткин А. С. Комментарий к постановлению пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста и залога // Уголовный процесс. 2014. № 2 (110). С. 10–19 и др.

стражу близко к данному виду уголовного наказания (а по ряду параметров — например, условия пребывания, получения длительных свиданий, передач, заключение под стражу даже жестче, чем наказание в виде лишения свободы).

В рамках подготовки к проведению круглого стола «Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина», состоявшегося 2 ноября 2016 года, Уполномоченным была запрошена и изучена информация, в том числе статистическая, от прокуратуры Санкт-Петербурга, ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу (далее — ГСУ СК), ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В результате проведенного анализа установлено, что наибольший процент отказов в удовлетворении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу наблюдается по ходатайствам дознавателей ОВД. По нашему мнению, это связано с тем, что дознание проводится по уголовным делам по преступлениям, предусматривающим наименьшую общественную опасность. При этом, согласно статистической информации, наибольший процент применения меры пресечения в виде заключения под стражу наблюдается по уголовным делам, расследуемым ГСУ СК, к подследственности которого относятся наиболее тяжкие преступления. Таким образом, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения судами уделяется большое внимание тяжести предъявленного обвинения.

Судами Санкт-Петербурга в 2015 году отказано в удовлетворении 42 ходатайств следователей и дознавателей о продлении срока содержания под стражей.

По мнению прокуратуры Санкт-Петербурга, причиной вынесения судами постановлений об отказе в удовлетворении ходатайств о продлении срока содержания под стражей, как правило, является изменение оснований, которые учитывались при избрании в отношении обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу, а также то, что следствием не представлено достаточных данных, свидетельствующих о том, что, находясь на свободе, обвиняемые могут скрыться от следствия и суда, продолжить преступную деятельность, оказать воздействие на участников уголовного

судопроизводства, иным путем воспрепятствовать производству по делу.

В результате анализа поступивших сведений установлено расхождение статистических данных, а именно сведений управления судебного департамента и прокуратуры Санкт-Петербурга по числу отказов в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и числу отказов в удовлетворении ходатайств о продлении срока содержания под стражей в 2015 году, а также сведений прокуратуры Санкт-Петербурга, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области о числе случаев отмены меры пресечения в виде заключения под стражу с заменой на подписку о невыезде.

Данные факты свидетельствуют, что, возможно, в правоохранительных органах применяются различные подходы к учету сведений, касающихся применения меры пресечения в виде заключения под стражу, а руководителями следственных органов недостаточно внимания уделяется целесообразности дальнейшего содержания под стражей подозреваемых (согласно сведениям прокуратуры Санкт-Петербурга и УФСИН, за 2015 год 359 человек осуждены федеральными и мировыми судьями Санкт-Петербурга к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в связи с чем мера пресечения в виде заключения под стражу указанным лицам отменена непосредственно после вынесения приговора).

Прокуратурой Санкт-Петербурга отмечен формальный подход органов предварительного расследования к проверке наличия оснований для избрания в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, а также учитываемых при избрании меры пресечения обстоятельств (статья 99 УПК РФ), что приводит к необоснованному возбуждению перед судами соответствующих ходатайств, о чем было указано районным и специализированным прокурорам. Прокуратурой Санкт-Петербурга было также предложено провести оперативные совещания по данному вопросу и в целях обеспечения соблюдения конституционных прав граждан, задержанных по подозрению в совершении преступлений и заключенных под стражу, принять дополнительные меры по организации работы

на данном направлении в строгом соответствии с требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации; руководителю ГСУ СК направлено информационное письмо о необходимости принятия соответствующих мер ведомственного характера на данном направлении.

По результатам рассмотрения указанного письма руководителем ГСУ СК издан приказ о внесении изменений в приказ ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу № 103 от 03.06.2011 «Об организации контроля за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» № 5 от 16.01.2015, в котором руководителям следственных подразделений предписано исключить случаи предъявления лицу обвинения без надлежащей и полной проверки выдвинутой подозреваемым защитной версии и др. Указанным приказом также предписано исключить практику необоснованного и преждевременного применения таких мер процессуального принуждения, как избрание меры пресечения.

В настоящее время (согласно сведениям УФСИН) лимит наполняемости следственных изоляторов, расположенных на территории Санкт-Петербурга (СИЗО № 1, 4, 5), составляет 2916 человек⁴. Вместе с тем, фактическое наполнение следственных изоляторов значительно превышает установленные лимиты и на 30.12.2015 составило 3729 человек.

Таким образом, актуальным является вопрос о корректировке данного направления работы в деятельность следственных и судебных органов.

Прокуратура Санкт-Петербурга считает, что в работе органов предварительного расследования продолжают иметь место факты несоблюдения требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выражающиеся в некачественном проведении следственных и иных процессуальных действий, в неполноте установления обстоятельств совершения преступления, подлежащих доказыванию, в неправильной юридической оценке действий подозреваемых и обвиняемых, несвоевременном назначении

⁴ Учреждения, подведомственные УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Электронный ресурс] // URL: <http://78.fsin.su/structure/index.php/> (дата обращения 12.12.2016).

судебных экспертиз, сопряженные с неоднократным продлением сроков содержания под стражей обвиняемых по одним и тем же основаниям.

Имеют место и факты рассмотрения уголовных дел судами Санкт-Петербурга с превышением разумных сроков судопроизводства.

При этом отмечается отсутствие должного взаимодействия между следственными изоляторами и судами по обмену информацией о вступлении судебных решений в законную силу, что влияет на длительность содержания граждан под стражей.

Указанные проблемы носят системный и длящийся характер, что подтверждается результатами прокурорских проверок и принятыми решениями Европейского Суда по правам человека (далее — Суд). В своих постановлениях Суд регулярно констатирует нарушения ст. 3, 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выражающиеся в необеспечении лиц, содержащихся под стражей в СИЗО Санкт-Петербурга, нормой санитарной площади в размере 4 кв. м. на человека, чрезмерной длительности их содержания под стражей и отсутствии фактических оснований для неоднократного продления данной меры пресечения. Основной претензией Суда к постановлениям по мере пресечения, выносимым российскими судьями, являлось отсутствие в них надлежащей мотивировки.

Безусловно, без изучения каждого конкретного случая невозможно судить об обоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Необходимо также отметить, что показатели статистики по освобождению из следственных изоляторов распределяются неравномерно в зависимости от района города, в котором располагается суд, вынесший соответствующее определение. Данный факт, возможно, свидетельствует о различных подходах районных судов города Санкт-Петербурга к необходимости избрания столь строгой меры пресечения, как заключение под стражу.

Представляется, что общественное обсуждение правозащитных аспектов практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо для гуманизации этой практики, нахождения разумного и справедливого баланса между интересами

следствия и правами подвергнувшихся уголовному преследованию граждан.

Список литературы:

1. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Научный комментарий некоторых оснований заключения под стражу // Общество и право. 2015. № 2 (52).
2. Сидорова И. В. Заключение под стражу как мера пресечения // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2015. № 3.
3. Червоткин А. С. Комментарий к постановлению пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста и залога // Уголовный процесс. 2014. № 2 (110).

Анисимова Л. В.¹

Anisimova L. V.

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ
И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**HUMAN RIGHTS OBSERVATION AND BALANCE ENSURING OF PUBLIC
AND PRIVATE INTERESTS IN CASE OF RESTRAINT MEASURES
APPLICATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

В статье анализируются статистические данные по Российской Федерации и Архангельской области, основные проблемы и негативные последствия применения меры пресечения в виде заключения под стражу. А также рассматриваются существующие проблемы правовой регламентации применения меры пресечения в виде заключения под стражу, особенности правоприменительной практики в данной сфере и формулируются предложения по совершенствованию процедур применения данной нормы.

The statistic data of the Russian Federation and the Arkhangelsk region, the main problems and the negative consequences of the application of a restraint measure in the form of detention are analyzed. The existing problems of legal regulation of the use of a preventive measure in the form of detention, especially law enforcement in this area are discussed and proposals for improving the procedures for the application of this provision are formulated.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, соблюдение прав человека, обоснованность и законность применения заключения под стражу.

Keywords: restraint measures, detention, the rights of the four-Rights, the validity and legality of the detention.

¹ АНИСИМОВА Любовь Викторовна, Уполномоченный по правам человека в Архангельской области, кандидат экономических наук, Заслуженный экономист Российской Федерации.

ANISIMOVA Lyubov Viktorovna, Human Rights Ombudsman in Arkhangelskaya Region, PhD in Economics, Honored Economist of the Russian Federation.

Уголовно-процессуальное принуждение является неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства, однако при его применении следует исходить из конституционной нормы о признании высшей ценностью человека, его прав и свобод. Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает различные меры пресечения, самой строгой из которых является заключение под стражу, представляющее собой по сути форму лишения свободы, изоляции обвиняемого либо подозреваемого от общества. Заключение под стражу и необоснованное продление данной меры в наибольшей по сравнению с иными мерами пресечения степени ограничивает права и свободы обвиняемых и подозреваемых.

Несмотря на то, что законодатель предусмотрел различные меры пресечения, а ранее передал применение наиболее строгих из них в исключительное ведение суда, заключение под стражу остается в современной системе судопроизводства наиболее часто избираемой мерой пресечения, что подтверждается статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, согласно судебной статистике за период 2012–2015 гг. рост удовлетворенных судами ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу составил 5,7% (2012 год — 132923, 2015 — 140457), а в 2015 году по сравнению с 2014-м — на 5% (2014 год — 133755, 2015 — 140457). Здесь следует отметить и рост количества удовлетворенных судом ходатайств о продлении срока содержания под стражей в 2015 году на 9,4% (2014 год — 207363, 2015 — 226875)². В интервью журналу «Прокурор» Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка отметил, что суды практически всегда поддерживают следствие при избрании меры пресечения³.

Особенно усилилась данная тенденция в последние годы, несмотря на расширение практики применения альтернативных

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за период 2012–2015 гг. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0> (дата обращения 30.11.2016).

³ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки журналу «Прокурор» // URL: http://ipriem.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/75000/ (дата обращения: 30.11.2016).

мер пресечения — таких, например, как домашний арест, залог и др. На фоне некоторого увеличения в период 2012–2015 гг. количества обвиняемых, подозреваемых, к которым по решению суда были применены в качестве меры пресечения домашний арест или залог, судебная правоприменительная практика остается консервативной в части применения к гражданам указанных альтернативных мер.

Существующее положение дел имеет различные последствия. В частности, эксперты⁴ отмечают, что зачастую заключение под стражу предопределяет дальнейшее постановление обвинительного приговора суда.

Следует отметить, что сложившаяся практика избрания мер пресечения неизбежно приводит к обострению проблемных вопросов условий содержания в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Так, в течение ряда последних лет в Архангельской области, как и во многих других регионах, отмечается проблема переполнения следственных изоляторов. По информации прокуратуры Архангельской области, ситуация обострилась с 2015 года и особо значительно проявлялась в дислоцированных на территории областного центра ФКУ СИЗО-1 и ФКУ СИЗО-4, где и ранее отмечалась чаще других. Объективным следствием резкого роста преступности — на 17,8%, в т. ч. количества тяжких, особо тяжких преступлений и проявлений рецидивной преступности — на 30,7%, стало увеличение почти на пятую часть (+18,2%) случаев применения на досудебной стадии уголовного судопроизводства меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом на состояние фактической численности в последние годы влияют не только увеличение количества вновь арестованных лиц, но и недостаточная интенсивность расследования, длительность рассмотрения уголовных дел в суде первой и второй инстанций, превышающая разумные

⁴ Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96; Тимаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 88–118.

сроки. Отмечаются ситуации, когда с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, длительное время вообще не проводятся какие-либо следственные действия⁵.

В связи с этим уместно процитировать выступление на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ⁶ 23 марта 2016 года Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки, который отметил: «...существенным недостатком продолжает оставаться затяжной характер следствия более чем по трети уголовных дел. Не решена проблема роста числа обвиняемых, длительное время содержащихся под стражей».

Иллюстрируя вышесказанное, считаем необходимым привести ряд примеров из практики защиты Уполномоченного по правам человека в Архангельской области:

- обвиняемый Г. обжаловал пребывание под стражей 10 месяцев, в течение последних трех месяцев следствия каких-либо следственных действий с Г. не проводилось;
- обвиняемый М. обжаловал нахождение в следственном изоляторе в течение 1,5 лет, указывая на проведение каких-либо следственных действий с ним не чаще, чем раз в 3 месяца;
- обвиняемый К. обжаловал продление срока содержания под стражей до 8 месяцев. В указанном случае основанием ходатайства следователя о продлении являлось проведение по делу судебной экспертизы в отношении соучастника К., следственных действий с самим же К. не проводилось более 2 месяцев.

При этом специфическим аспектом нарушения прав лиц, содержащихся в следственных изоляторах, является несоблюдение норм жилой площади камеры в расчете на одного человека. Следует отметить, что норма санитарной площади в камере в расчете на одного человека законодательно установлена в размере 4 кв. м. Фактически по состоянию на 01 ноября 2015 года санитарная площадь на 1 человека составляла, например, в ФКУ СИЗО-1

⁵ Письмо прокуратуры Архангельской области от 17.11.2016 № 17–399–2016.

⁶ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-1078221> (дата обращения 30.11.2016).

г.Архангельска — 3,3 кв. м, в ФКУ СИЗО-4 г. Архангельска — 3,6 кв. м. Сложившаяся ситуация обусловлена общим увеличением количества лиц, содержащихся под стражей во всех следственных изоляторах УФСИН.

К сожалению, типична следующая ситуация: осужденный Т. обратился в адрес Уполномоченного по правам человека в Архангельской области с жалобой на то, что в течение семи дней он содержался в переполненной камере следственного изолятора без обеспечения индивидуальным спальным местом и в связи с конфликтом за спальное место получил взыскание в виде выговора, которое и хотел обжаловать.

Кроме того, в этот период стали нарушаться требования раздельного размещения различных категорий обвиняемых, подозреваемых в следственных изоляторах, предусмотренные статьей 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее — Федеральный закон № 103-ФЗ). Так, в ходе посещения одного из следственных изоляторов г. Архангельска к Уполномоченному по правам человека в Архангельской области обратились с жалобой обвиняемые В. и К. — ранее не судимые, бывшие сотрудники правоохранительных органов, обвиненные в злоупотреблении должностными полномочиями. В результате инициированной Уполномоченным по правам человека в Архангельской области прокурорской проверки было выявлено, что В. и К. вопреки требованиям закона периодически содержались в одной камере с лицами, ранее отбывавшими наказание в местах лишения свободы, а также с обвиняемыми в совершении убийств и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, не относящимися к специальной категории лиц, установленной п. 2 ст. 33 Федерального закона № 103-ФЗ.

В то же время, несмотря на сложившееся положение дел и имеющиеся проблемы, участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения зачастую считают ситуацию с преобладанием заключения под стражу над прочими мерами пресечения нормальной, указывая на состязательность сторон и на то, что адвокат является полноправным участником уголовного процесса. Однако на стадии избрания меры пресечения, как правило,

в качестве защитников выступают назначенные адвокаты, которые, судя по жалобам в адрес Уполномоченного по правам человека в Архангельской области, слабо мотивированы вообще в работе с подозреваемыми и обвиняемыми, в том числе при избрании меры пресечения. В своих обращениях заявители часто указывают, что на этой стадии адвокаты выступают фактически на стороне обвинения, предлагая обвиняемым (подозреваемым) написать явку с повинной и объясняя, что впоследствии это приведет к смягчению наказания. Однако следует отметить, что определить степень вины обвиняемого и назначить ему наказание может только суд, который в подобных договорах не участвует. Нельзя не отметить, что в результате формального подхода при избрании меры пресечения на практике не всегда обеспечивается подлинная состязательность процесса и участие сторон.

В практике Уполномоченного по правам человека в Архангельской области все чаще встречаются ситуации, когда адвоката под различными, не предусмотренными законодательством, предложениями не пускают на свидание к обвиняемому (подозреваемому), тем самым лишая последнего конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Хочется привести один из наиболее характерных примеров. В адрес Уполномоченного по правам человека в Архангельской области судьей одного из районных судов г. Архангельска было направлено судебное извещение о привлечении в судебное заседание в качестве третьего лица по делу об оспаривании адвокатом Б. действий должностного лица следственного изолятора, отказавшего адвокату в допуске к доверителю — подозреваемому С. на протяжении трех месяцев на том основании, что у адвоката не было разрешения следователя на посещение подозреваемого.

Уполномоченный изложил свою однозначную позицию по поставленному вопросу: кроме удостоверения и ордера, адвокат не должен предъявлять никаких иных документов. Суд принял сторону адвоката. Однако стоит отметить, что даже после принятия судом решения о допуске адвоката Б. к доверителю, которое состоялось уже после направления осужденного С. в исправительное учреждение для отбывания наказания, представители следственного изолятора все равно обжаловали его.

Обоснованные опасения вызывает сложившиеся в правоприменительной практике формальный подход и «поточность» процесса принятия судом решений о заключении под стражу, что в ряде случаев приводит к тому, что в судебных решениях встречаются так называемые технические ошибки — в фамилии, имени, отчестве обвиняемых, подозреваемых, иных важных данных, которые в последующем «кочуют» из одного судебного решения в другое.

Так, обратившийся с жалобой к Уполномоченному по правам человека в Архангельской области осужденный Цыкарев (фамилия изменена) представил документы, полученные им из одного из районных судов г. Архангельска. В постановлении суда об оставлении его в следственном изоляторе для участия в судебном разбирательстве во вводной части постановления он именовался как Цыкарев, в описательно-мотивировочной части — как Третьяков (фамилия изменена), в резолютивной — опять как Цыкарев. Кроме того, в указанном постановлении в описательно-мотивировочной части были приведены в обоснование решения суда несоответствующие действительности и личности осужденного Цыкарева данные о предыдущем осуждении и решение о направлении для отбывания наказания в колонию осужденного Третьякова.

Между тем, так и осталось неясным, о чем же было решение районного суда города Архангельска — оставить Цыкарева в следственном изоляторе или все-таки направить Третьякова в колонию? Отметим, что, к сожалению, вышеприведенный случай далеко не единственный.

В практике Уполномоченного по правам человека в Архангельской области отмечались и более нестандартные ситуации — например, вопиющий случай, когда в учреждении уголовно-исполнительной системы региона на протяжении года отбывал наказание гражданин под чужими персональными данными. Отбывавший наказание в одной из колоний Архангельской области осужденный Владислав П., обратившись за оказанием содействия к Уполномоченному по правам человека в Архангельской области, сообщал, что при осуждении его в 2010 году Фрунзенским районным судом г. Санкт-Петербурга

в материалах уголовного дела он фигурировал под чужим именем, под ним же был признан виновным в совершении кражи велосипеда и в последующем после вступления в силу приговора суда этапирован в колонию.

Уполномоченным по правам человека в Архангельской области в рамках действующего законодательства были предприняты необходимые меры, и в ходе инициированной им проверки было выявлено, что личность осужденного не была достоверно установлена ни в ходе предварительного следствия, ни в период содержания под стражей, ни во время судебного разбирательства; возникли сомнения в причастности его к данному преступлению.

Таким образом, только после вмешательства Уполномоченного по правам человека в Архангельской области предыдущий приговор в отношении Владислава П. был отменен, а компетентными органами было принято решение о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств. Действиям (бездействию) участвовавших в процессе следователей, прокурора, судьи, адвоката, а также сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы была дана соответствующая правовая оценка.

Несложно представить, что повторение подобных фактов может грозить серьезными последствиями, среди которых — привлечение к уголовной ответственности лиц, заведомо непричастных к совершению преступлений.

Возвращаясь к вопросу об обоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу, уместно привести и такую статистику. В Архангельской области по итогам 2015 года из следственных изоляторов были освобождены 222 лица, заключенных под стражу, из них:

- 52 обвиняемых в связи с изменением меры пресечения на более мягкую, чем заключение под стражу;
- 5 обвиняемых в связи с вынесением судом решения об отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов в продлении срока заключения под стражу;
- 92 человека, которым по приговору суда назначено наказание, не связанное с лишением свободы;

— 73 человека в связи с отбытием ими в следственном изоляторе всего срока назначенного судом наказания, без этапирования в колонию⁷.

В связи с изложенным, исходя из приоритета прав и свобод человека, первоочередной задачей при осуществлении государством уголовного судопроизводства становится достижение и сохранение баланса между ограничением прав обвиняемого (подозреваемого) как отдельного человека и правами остальных членов общества на защиту от преступлений.

В этом контексте Европейский Суд по правам человека отмечает, что в соответствии с пунктом 3 Статьи 5 Конвенции **о защите прав человека и основных свобод**, заключенной 04.11.1950 в г. Риме, национальные власти обязаны рассмотреть возможность применения альтернативных мер пресечения для обеспечения явки обвиняемого (подсудимого) в суд при решении вопроса о том, следует ли это лицо оставить на свободе или заключить под стражу.

Обеспечить такой баланс, отвечающий требованиям законности и справедливости, призвано прежде всего безукоризненное соблюдение установленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ условий и оснований для избрания меры пресечения. Среди них — прежде всего применение заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а также следующие:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

В то же время невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения как условие заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые

⁷ Письмо УФСИН России по Архангельской области от 04.02.2016 № 29/ТО/4–995.

уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, представляется не вполне объективным условием, особенно с учетом того, что судья должен основывать свое решение на конкретных, фактических обстоятельствах, проверенных в ходе судебного заседания. В связи с этим формулировки «наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от органов следствия, оказать воздействие на свидетелей и потерпевших» и др. также представляются субъективными, поскольку законодателем мерило достаточности не установлено. Таким образом, для обеспечения требований справедливости и исключения чрезмерных ограничений прав обвиняемых (подозреваемых) необходима детализация условий и оснований для избрания той или иной меры пресечения, исключающая субъективный подход, не подкрепленный доказательствами.

Следует отметить, что Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что: «отсутствие постоянных места жительства или работы не может служить основанием для опасений, что заявитель скроется или совершит новое преступление» (постановление ЕСПЧ от 30.07.2009 «Дело „Сергей Медведев против Российской Федерации“» (жалоба № 3194/08)). Кроме того, «не может оправдывать содержание под стражей» необходимость следственных действий с участием обвиняемого также (постановление ЕСПЧ от 28.06.2011 «Дело „Миминошвили против Российской Федерации“» (жалоба № 20197/03)).

В постановлении Европейского Суда по правам человека от 10.01.2012 «Дело „Ананьев и другие против Российской Федерации“» (жалоба № 42525/07, 60800/08), «неоправданное и чрезмерное применение меры пресечения в виде содержания под стражей» рассматривается в качестве структурной проблемы России. Ее существование подтверждается продолжающимся потоком новых сходных жалоб в Европейский Суд по правам человека и данными, доступными на национальном уровне, и она тесно связана с проблемой перенаселенности в следственных изоляторах.

В целях соблюдения законных прав и свобод обвиняемых (подозреваемых) представляется также необходимой диверсификация мер пресечения за счет более широкого применения

мер, не связанных с изоляцией от общества, в том числе залога и домашнего ареста. В то же время представляются актуальными и предложения о расширении перечня мер пресечения, например, включения в него таких, как надзор полиции; запрет определенных действий (соответствующий законопроект был ранее внесен на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации). Заслуживает тщательного рассмотрения вопрос о введении специальной должности следственного судьи, принимающего решения об избрании, продлении, изменении и отмене меры пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Головинская И. В.* Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96.
2. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-1078221> (дата обращения 30.11.2016).
3. *Титаев К. Д.* Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 88–118.

Быстрова Н. С.¹

Bystrova N.S.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

PROBLEMATIC ISSUES OF APPLICATION OF A RESTRAINT MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST

В статье рассматриваются проблемные вопросы применения меры пресечения в виде домашнего ареста.

The article deals with the problematic issues of application of a preventive measure in the form of house arrest.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, домашний арест.

Keywords: criminal procedure, a preventive measure, house arrest.

Проблемы применения домашнего ареста можно отнести к нескольким группам, зависящим от структуры положений ст. 107 УПК РФ. В первую группу необходимо отнести определение места нахождения обвиняемого (подозреваемого) под домашним арестом и объема возлагаемых правоограничений. Во вторую — установление срока домашнего ареста и последующего его продления либо изменение меры пресечения. В третью — определение круга лиц, к которым применение домашнего ареста будет оптимальной мерой пресечения.

Определение места нахождения обвиняемого при избрании ему домашнего ареста в качестве меры пресечения основывается на толкованиях судом положений ч. 1 ст. 107 УПК РФ о жилом помещении, в котором обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя или на иных законных основаниях.

¹ БЫСТРОВА Наталья Сергеевна, старший следователь 2 отдела Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, капитан юстиции.

BYSTROVA Natalia Sergeevna, Senior Investigator of the 2nd Chair of the Organized Criminal Activities Investigation Department GСУ GM of MIA of Russia in St. Petersburg and Leningrad Region, Captain of Justice.

Из смысла п. 38 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 41 от 19.12.2013 следует, что жилое помещение может представлять из себя как индивидуальный жилой дом, так и квартиру, либо иное помещение, входящее в жилищный фонд и используемое для временного или постоянного проживания, либо не входящее в жилищный фонд, но используемое в этих целях. В указанном Пленуме Верховного суда РФ в качестве примера приводятся дачи, а в случае госпитализации обвиняемого — лечебные учреждения. Однако за рамками этого толкования остались, например, гостиничные номера и общежития, отвечающие критерию использования в целях временного проживания. В этой связи на практике возникают ряд следующих проблем, связанных с возможностью широкого подхода определения места содержания под домашним арестом. Так, в случае, если помещение, в котором лицо проживает на момент избрания меры пресечения, является арендованным, законом не регламентировано взятие согласия с лица, которое является фактически арендодателем помещения, и то условие, согласно которому в случае расторжения договора аренды фактически арендодатель должен будет предоставлять указанное помещение до момента подбора нового помещения или изменения меры пресечения следственно-арестованному лицу. Существует проблема и более узкого подхода, основанного на возможностях обеспечения контроля за соблюдением условий домашнего ареста, поэтому на практике суды не допускают применение этой меры пресечения в общежитиях и других жилых объектах, где осуществление такого контроля затруднительно.

Полностью решить проблему определения места содержания под домашним арестом можно двумя способами. Во-первых, установить круг лиц, к которым эта мера не может применяться, отнеся к ним граждан РФ, иностранцев и лиц без гражданства, не имеющих постоянного места жительства в районе производства предварительного расследования, а также регламентировать обязательное уведомление лица, предоставляющего помещения, и предупреждение его о необходимости предоставления помещения на установленный следствием период.

Объем правоограничений, которые могут быть возложены на обвиняемого при избрании в качестве меры пресечения

домашнего ареста, связан, во-первых, с установлением полной или частичной изоляции, а во-вторых, с запретами и ограничениями, предусмотренными положением ст. 107 УПК РФ. Пленум Верховного суда РФ рекомендует перечислять случаи, когда обвиняемый (подозреваемый) может покидать жилое помещение, детализировать запреты, установленные в ч. 4 ст. 107 УПК РФ, персонифицировать круг лиц, с которыми запрещено общаться, перечислять случаи разрешенного использования средств связи и ресурсов Интернет.

В свою очередь, современный уровень развития электронных технологий не позволяет проконтролировать полное исполнение запрета, особенно в части использования средств связи и сети Интернет. Действительно, наличие у обвиняемого электронных устройств, о которых неизвестно контролирующим органам, может стать условием нарушения возложенных ограничений, к тому же очевидно, что лицо, подвергнутое домашнему аресту, зачастую проживает совместно с другими членами семьи и (или) жильцами, и гарантировать соблюдение запрета на пользование электронными устройствами и средствами связи указанных лиц, может лишь установление видеонаблюдения за жилым помещением, проведение профилактических проверок по месту жительства арестованного, направленных на выявление таких устройств, а также установление специальных устройств, поглощающих сигнал сотовой связи или блокирующих выход в Интернет, что может ограничить права лиц, проживающих с лицом, находящимся под домашним арестом.

Также при таких обстоятельствах представляется разумным при избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста составлять опись устройств, с которых может быть осуществлен доступ в сеть Интернет, с уведомлением, например, операторов мобильной связи о возложенных ограничениях; в свою очередь, они смогут технически ограничить предоставляемый трафик.

Вопросы относительно разрешений на прогулки или занятия физическими упражнениями вне места жительства должен быть решен также на законодательном уровне. В данный момент предоставление этих прав полностью находится в компетенции суда, применяющего меру пресечения. При этом может нарушаться

право на охрану здоровья, гарантированное Конституцией РФ всем гражданам без исключения. В связи с этим уместно проработать дополнение в ст. 107 УПК РФ, которым будет регламентировано судам, при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, решать вопрос о возможности предоставления обвиняемому (подозреваемому) периодов прогулок или занятий физическими упражнениями вне места жительства. В указанных целях должен быть установлен период, не менее двух часов в сутки, в течение которых обвиняемый (подозреваемый) имеет право покидать место своего жительства и посещать места, согласованные со следователем (дознавателем) и контролирующим органом.

Установление срока домашнего ареста, а также его последующее продление также вызывает различные противоречивые мнения. Так, в случае принятия судебным разбирательством по делу затяжного характера и отсутствия сведений о ненадлежащем поведении обвиняемого домашний арест может быть заменен ему на подписку о невыезде или залог. Ведь длительное пребывание под домашним арестом ограничивает сферу реализации трудовых прав обвиняемого и, как следствие, его материальное положение. Чтобы создать дополнительную гарантию прав обвиняемого, необходимо включить в ст. 107 УПК РФ положение, согласно которому, по истечении предельного срока содержания обвиняемого под домашним арестом, в случае соблюдения определенных условий самим обвиняемым, мера пресечения могла бы быть заменена на иную, не связанную с содержанием под стражей.

Нуждаются в совершенствовании и положения УПК РФ о сохранении домашнего ареста или изменении этой меры пресечения на более строгую или более мягкую до вступления обвинительного приговора в законную силу. В силу положений ст. 311 УПК РФ осужденный, которому назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или применено условное осуждение, подлежит освобождению из-под стражи. Однако домашний арест может быть сохранен до вступления приговора в законную силу. Изоляция от общества представляется недопустимым ограничением в указанном случае, поскольку мера наказания ее не подразумевает; в этой связи положения ст. 311 УПК РФ должны быть распространены и на меру пресечения в виде домашнего ареста.

Положения ст. 107 УПК РФ нуждаются в совершенствовании в части определения оснований для изменения домашнего ареста на заключение под стражу. К таким основаниям необходимо отнести: систематическое (совершенное более двух раз) нарушение возложенных на обвиняемого (подозреваемого) запретов и ограничений; поступившую следователю жалобу от лица, общение с которым обвиняемому (подозреваемому) запрещено, из которой следует, что на указанное лицо оказывалось давление; а также зафиксированное нарушение общественного порядка, за совершение которого к нему было применено административное наказание.

Рассмотрению также подлежит и вопрос определения круга лиц, к которым может приоритетно применяться домашний арест. Так круг этих лиц может быть определен с учетом категории преступления, в совершении которого они обвиняются (подозреваются). Так, расширению применения домашнего ареста будет способствовать установление для его избрания такого основания, как совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, не повлекшего причинения вреда жизни и здоровью. Целесообразно избирать домашний арест во всех случаях, когда совершенное преступление повлекло только причинение материального ущерба. Также можно учесть отсутствие судимости, возмещение ущерба, признание вины обвиняемым (подозреваемым), в отношении которого целесообразен домашний арест.

Дикаева М. С.¹

Dikayeva M. S.

**О ВЛИЯНИИ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
НА НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

**THE INFLUENCE OF THE APPLICATION OF RESTRAINT MEASURES
ON THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PUNISHMENT**

В статье рассматриваются вопросы о связи практики применения мер пресечения и назначения судом уголовного наказания.

The article deals with the relationship of practice of application of preventive measures and the appointment of criminal punishment by the court.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения.

Keywords: criminal procedure, preventive measure.

Присоединение России к международно-правовым актам в сфере защиты прав человека, в сфере исполнения уголовных наказаний оказывает определенное влияние на развитие внутреннего законодательства, в том числе определяющего основные направления развития уголовной и как ее части пенитенциарной политики государства.

Позиционирование России как части международного сообщества, его активного члена обязывает ее соблюдать нормы международного права. Государство стремится к созданию условий отбывания наказаний, соответствующих международным стандартам.

Но, как отмечает Я. И. Гилинский, недавнее тоталитарное прошлое страны не могло не наложить отпечаток на отечественную пенитенциарную политику². Активное использование труда

¹ ДИКАЕВА Милана Салмановна, старший преподаватель кафедры уголовного права Российского государственного университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук.

DIKAYEVA Milana Salmanovna, Senior Lecturer, Department of Criminal Law of the Russian State University, PhD in Law.

² Гилинский Я. И. Кризис системы уголовных наказаний // Социологические исследования. 1993. № 8. — С. 72, 73.

осужденных, его экономическая выгодность в советский период предопределили заинтересованность государства в широкомасштабном применении наказания в виде лишения свободы. СССР в период 1960–1990 гг. стабильно занимал первое место в мире по числу заключенных на 100 тыс. населения³. Россия продолжила эту традицию и также занимает лидирующие позиции по уровню заключенных, уступая место США.

Последовательная либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволила за последние десять лет сократить число лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, более чем на 200 тысяч человек. Тем не менее, по состоянию на 1 декабря 2016 года, в местах лишения свободы содержалось 633826 человек и еще 406948 человек состояли на учете уголовно-исполнительных инспекций, при этом значительную их часть составляли лица, осужденные к лишению свободы условно.

В отечественных научных работах вслед за зарубежной литературой стал подниматься вопрос о кризисном состоянии уголовной политики противодействия преступности, о неспособности наказания (в первую очередь лишения свободы) выполнять свои функции, о необходимости поиска новых форм наказаний и методов реагирования на преступное поведение.

Между тем из анализа современного состояния политики в сфере назначения наказания видно, что соотношение назначения наказаний, связанных и не связанных с лишением свободы, показывает значительное доминирование лишения свободы [почти в 60% случаях (реально и условно)]⁴.

³ Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития. М., 2014. — С. 23; Смирнов Л. Б. К вопросу о содержании и перспективах современной пенитенциарной политики России // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Рязань, 2013. — С. 410.

⁴ Основные статистические показатели судимости в России за 2008–2015 годы. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 18 декабря 2016 г.).

Представляется, что на судебную практику назначения уголовного наказания, помимо прочих факторов, может влиять уголовно-процессуальная политика государства и практика применения мер пресечения. К такому выводу позволяет прийти сравнительный анализ количества лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, и количества лиц, которым назначено наказание в виде лишения свободы. Из таблицы видно, что сокращение с 2010 по 2012 гг. применения заключения под стражу на 10,6% (со 148689 до 132923 чел.) коррелируется с уменьшением назначения наказания в виде реального лишения свободы на 22,4% (с 265840 до 206254). Однако в 2013 г. наблюдается рост по обоим показателям (на 0,3% и 1,5% соответственно), что также позволяет утверждать об определенной зависимости между указанными данными. Одинакова динамика по интересующим показателям и в 2015 г.: увеличение назначения наказания в виде лишения свободы и возрастание применения заключения под стражу.

Таблица. Данные о корреляционной зависимости практики применения меры пресечения в виде содержания под стражей и назначения наказания в виде лишения свободы (условно/реально)⁵

Год	Мера пресечения в виде заключения под стражу	Наказание в виде лишения свободы		Условное лишение свободы		Лишение свободы (реальное и условное)	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
2010	148689	265840	31,6	307206	36,5	573046	68,1
2011	135850	227050	29,1	282227	36,2	509277	65,3
2012	132923	206254	28,0	221908	30,2	428162	58,2
2013	133311	209448	28,7	201538	27,6	410986	56,3
2014	132741	209709	29,4	197859	27,8	407568	57,2
2015	140457	211170	33,0	170657	26,6	381827	59,6

⁵ На основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Вопрос о перспективах назначения определенного вида наказания встает задолго до вынесения судом обвинительного приговора, а именно на стадии производства по уголовному делу. Применение к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу во многом предопределяет дальнейший выбор судом наказания в пользу лишения свободы. При этом такая мера пресечения является наиболее распространенной в судебной практике: в 2014 г. она была применена к 132741 чел., в то время как домашний арест к 3334 чел., а залог — к 224 чел. (т. е. те меры пресечения, которые избираются только судом). В 2015 г. удовлетворенных судом ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу было 140457, в виде домашнего ареста — 4676, залога — 189.

Выявленная корреляция между применением меры пресечения в виде содержания под стражей и назначением наказания в виде реального лишения свободы позволяет утверждать, что политика в сфере применения альтернативных лишению свободы наказаний ставится в зависимость, в том числе, и от уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения.

Опрос адвокатов показывает, что по отдельным преступлениям или по отдельным лицам, совершившим преступление, например, в отношении сотрудников органов внутренних дел, такая зависимость почти стопроцентная.

При этом доля удовлетворенных судом ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей очень высока. Структура удовлетворенных ходатайств в отношении лиц, совершивших преступления разной степени тяжести, выглядит следующим образом: по особо тяжким преступлениям — удовлетворено 96,4%; по тяжким преступлениям — удовлетворено 91,2%; по преступлениям средней тяжести — удовлетворено 89,2%; по преступлениям небольшой тяжести — удовлетворено 85,3%⁶. В 2015 г. рассмотрено 229787 ходатайств о продлении срока содержания под стражей

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2015 г. Форма № 1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>.

(ч. 3 ст. 109 УПК РФ), 98,7% от рассмотренных по существу ходатайств удовлетворено⁷.

Полагаем, что необходимо вести целенаправленную работу по уменьшению репрессивности всех этапов отправления правосудия, которая проявляется как в частом назначении меры пресечения в виде заключения под стражу, вследствие чего увеличивается и количество лиц, приговоренных к лишению свободы, так и в обвинительном уклоне судопроизводства, о чем свидетельствует доля оправданных лиц — 0,2%⁸. Такая статистика не может быть объяснена высоким профессионализмом работников следственных и правоохранительных органов, не способных допустить ошибку. К примеру, средний уровень оправдательных приговоров в европейских странах с развитой системой уголовного правосудия составляет 8%⁹.

Представляется, что приоритетной должна быть государственная уголовная политика, ориентированная на существенное сокращение как сроков лишения свободы, так и случаев назначения данного вида наказания. Этому поспособствует, в том числе, и изменение практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в чем уже давно назрела необходимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Langendonck G.van*. Less is more in debate about prison population // NRC. URL: <http://vorige.nrc.nl/article2259194.ece>.
2. Гилинский Я. И. Кризис системы уголовных наказаний // Социологические исследования. 1993. № 8.
3. Смирнов Л. Б. К вопросу о содержании и перспективах современной пенитенциарной политики России // Право и политика: теоретические и практические проблемы. — Рязань, 2013.

⁷ Там же.

⁸ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — М., 2015. — С. 9.

⁹ *Langendonck G.van*. Less is more in debate about prison population // NRC. URL: <http://vorige.nrc.nl/article2259194.ece>.

4. Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития. — М., 2014.

Калиновский К. Б.¹

Kalinovsky K. B.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО
ПРИ ИЗБРАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА И ПРАКТИКИ ЕГО
ПРИМЕНЕНИЯ**

**PROVIDING THE RIGHTS OF A SUSPECT AND ACCUSED DURING
THE CHOICE AND APPLICATION OF A RESTRAINT MEASURE
IN THE FORM OF PRE-TRIAL DETENTION INTO CUSTODY: PROBLEMS
OF ENHANCEMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AND PRACTICE
OF ITS APPLICATION**

Предлагается расширить перечень мер пресечения; допустить возможность применения краткосрочного ареста отсутствующего в судебном заседании подозреваемого, обвиняемого; сделать обязательным для следования и суда позицию прокурора об освобождении из-под стражи. На основе правовых позиций Конституционного Суда РФ формулируются рекомендации для практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

It is offered to expand the list of measures of restraint; to allow a possibility of application of short-term arrest of the suspect who is absent in judicial session; to strengthen a role of the prosecutor on release of the suspect from custody. On the basis of legal items of the Constitutional Court of the Russian Federation recommendations for

¹ КАЛИНОВСКИЙ Константин Борисович, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

KALINOVSKY Konstantin Borisovich, Head of Criminal Procedural Law Department of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor, member of the Scientific and Consultant Board of the Supreme Court of RF.

practice of application of a measure of restraint in the form of preventive detention into custody are formulated.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, срок содержания под стражей, обжалование решений о содержании под стражей, освобождение из-под стражи, допуск адвоката в следственный изолятор.

Keywords: preventive measures, measures of restraint, detention, term of detention, appeal of decisions on detention, release from custody, the admission of the lawyer to the pre-trial detention center.

Вопросы совершенствования правового регулирования

Обеспечение прав подозреваемых, обвиняемых при избрании и применении в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу, сталкивается с трудностями, вызванными, прежде всего, фундаментальными проблемами всего российского уголовного судопроизводства: чрезмерной длительностью производства по делу, его излишней бюрократизацией, формализмом, гипертрофированной ролью предварительного расследования перед судебным разбирательством, плохими условиями содержания под стражей и другими. На этом негативном фоне особенно важно, как представляется, устранить три законодательных дефекта в регулировании мер пресечения.

Первый состоит в том, что российское уголовно-процессуальное законодательство испытывает дефицит видов мер пресечения, которые могли бы стать реальной альтернативой заключению под стражу.

Существующий набор из семи мер пресечения делится на две группы: физически-принудительные (заключение под стражу и домашний арест) и психолого-принудительные (все остальные меры пресечения). Первые связаны с изоляцией от общества, т.е. физически ограничивают право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное ст. 22 Конституции РФ, и потому они применяются только судом в состязательной процедуре и на конкретный, специально установленный срок; вторые — ограничивают свободу передвижения обвиняемого (ст. 27 Конституции РФ) психическим воздействием без изоляции его от общества,

применяются в пределах сроков предварительного расследования и судебного разбирательства, не только по решению суда, но при обязательном согласии заинтересованных лиц. Именно эта добровольность применения психолого-принудительных мер мешает им стать реальной альтернативой содержанию под стражу. Действительно, даже наиболее часто используемая на практике подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) применяется только с согласия самого обвиняемого, подозреваемого, т. е. он может отказаться дать соответствующее письменное обязательство, без которого данная мера пресечения не может считаться примененной и влекущей правовые последствия для обвиняемого². А что же делать, если обвиняемый не дает подписку, а заключение под стражу или домашний арест применить невозможно? Остается лишь обязательство о явке, которое не является мерой пресечения и неспособно обеспечить цели данного института.

В связи с этим назрела необходимость расширить систему мер пресечения, включив в нее новую разновидность, в равной мере сочетающую физическое и психологическое принуждение.

По этой причине заслуживает поддержки Проект Федерального закона № 900722–6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)», внесенный депутатами Государственной Думы ФС РФ И. Е. Костуновым, Л. К. Шойгу, Н. Д. Ковалевым, Т. Н. Москальковой. Данный законопроект, рассмотренный Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ — Протокол № 267, п. 53. 19.11.2015 г. — и включенный в проект примерной программы законопроектной работы Государственной Думы в период весенней сессии 2016 года, так и лежит без движения.

² См. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 года № 66-О-О. Этот вопрос стал активно обсуждаться в СМИ в связи с делом А. Лебедева и его жалобой в Конституционный Суд РФ (<http://alex-lebedev.livejournal.com/561519.html>), который подтвердил свою позицию в Определении от 22 января 2014 года № 27-О.

Проектом предлагается ввести новую меру пресечения — запрет определенных действий (по перемещению и общению, но не связанный с изоляцией в жилище). Ее аналог был известен отечественному процессу как полицейский надзор. Данная мера применялась бы без согласия поднадзорного и возлагала бы на него ряд запретов, соответствуя наказанию в виде ограничения свободы (ст. 53 Уголовного кодекса РФ). Преследуя создание более гибкой системы мер пресечения, можно было бы возродить и «отобрание вида на жительство» (пункт 1 статьи 416 Устава УУС 1864 г.). Ныне это равнялось бы изъятию заграничного паспорта гражданина РФ или паспорта для иностранного гражданина.

Второй дефект правового регулирования связан с запрограммированным в законе нарушением требований статьи 22 (часть 2) Конституции РФ, согласно которой до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Проблема состоит в том, что части 4–5 ст. 108 УПК РФ по общему правилу запрещают заочный арест подозреваемого (обвиняемого), предусматривая лишь одно исключение — объявление его в международный розыск. Привод же без предварительного вызова, известный прежнему процессуальному закону, действующим законом не предусмотрен.

Как же обеспечить 48-часовой срок при задержании подозреваемого капитаном судна или начальником зимовки (ч. 3 ст. 40 УПК РФ)? Ну не вводить же в штат каждого судна и зимовки судью. Менее очевидны, но вполне реальны трудности обеспечения указанного конституционного требования в условиях большой удаленности суда от места задержания, при нехватке организационных ресурсов. Не секрет, что в практике эта проблема решается путем отказа в правильном оформлении содержания под стражей или путем повторного задержания.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 27.10.2015 г. № 2587-О³ указал, что требование ст. 22, ч. 2 Конституции РФ имеет императивный характер и обеспечивается нормами УПК Российской Федерации, которые — по смыслу данного

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Ю. Сахаровского на нарушение его конституционных прав статьёй 91 УПК РФ.

Определения — допускают заочный арест подозреваемого, обвиняемого при нахождении его на стационарной судебно-психиатрической экспертизе или наличии иных документально подтвержденных обстоятельств, исключающих возможность доставления обвиняемого в суд (ч. 13 ст. 109), а также допускают возможность продления судом срока задержания на срок не более 72 часов (п. 3 ч. 7 ст. 108).

Действительно, расширительное толкование ч. 13 ст. 109, прямо не распространяющейся на процедуру избрания меры пресечения, и п. 3 ч. 7 ст. 108, прямо не предусматривающего продления срока задержания для обеспечения явки подозреваемого, не противоречит требованию ч. 2 ст. 22 Конституции РФ. В то же время данное требование будет явно нарушено повторным задержанием без судебного решения ранее уже освобожденного в связи с истечением срока задержанного.

В связи с этим можно предложить смягчить в уголовно-процессуальном законодательстве «запрет заочного ареста» (такой запрет является важной гарантией, но эта гарантия не предусмотрена в Конституции как обязательная и ее реальное правоприменение влечет больше вреда, чем пользы). В частности, было бы целесообразно ввести процедуру заочного краткосрочного ареста (например, до 10 суток при объективной невозможности доставить задержанное лицо в суд).

Третья проблема, которую надо решить законодателю, это усилить прокурорский надзор и роль прокурора как руководителя уголовного преследования при избрании меры пресечения и продлении срока ее применения. По действующему правому регулированию участие прокурора в судебном заседании при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (а также при продлении ее срока) является обязательным, в отличие от следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, участие которых в заседании рассматривается как их право, которым они могут и не воспользоваться (часть четвертая статьи 108 УПК РФ) и которые не наделены правом подавать апелляционные жалобы на решение суда. Однако позиция прокурора о необоснованности, незаконности заявленного следователем, дознавателем ходатайства не является обязательной ни для органа расследования, ни для

суда. Такое положение дел не согласуется ни с ролью прокурора как органа надзора за предварительным следствием (отсутствие эффективных средств прокурорского реагирования), ни с его ролью как руководителя уголовного преследования.

Несмотря на то, что эта проблема связана с общей дисбалансировкой процессуального положения прокурора и следователя, можно предложить точечное ее решение применительно к мере пресечения. Отказ прокурора в поддержании указанного ходатайства следует признать обязательным для суда, подобно тому, как этот вопрос решен законодателем применительно к отказу прокурора от обвинения в части седьмой статьи 246 УПК РФ. Такое регулирование повлечет изменение стереотипов работы следственных органов, которые будут вынуждены заранее на организационном уровне согласовывать свои ходатайства с прокурором и при недостижении согласия — не подавать ходатайства. Следовательно, количество необоснованных ходатайств сократится.

Вопросы совершенствования практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу

Из всех многочисленных вопросов совершенствования практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу обратим внимание на те из них, которые вытекают из решений Конституционного Суда Российской Федерации. Этим судом вынесено более 30 постановлений и 500 определений, в которых в той или иной степени упоминалась указанная мера пресечения. Среди этих решений особый интерес представляют те, которые вызывают трудности в правоприменении и еще не реализованы законодателем, а также малоизвестные для правоприменителя решения.

Сроки содержания под стражей

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 г. № 23-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина содержатся правовые позиции о *продлении срока содержания под*

стражей при возвращении уголовного дела прокурору. Эти позиции предполагают их применение судами общей юрисдикции, а не внесение изменений в законодательство. Сложность рассмотренной в этом постановлении проблемы подчеркивается наличием трех особых мнений судей Конституционного Суда РФ.

Уголовное дело по обвинению С. В. Махина было возвращено судом прокурору, при том, что общий срок содержания его под стражей с учетом времени ознакомления с материалами уголовного дела превысил 21 месяц. При устранении недостатков расследования срок содержания под стражей заявителя неоднократно продлевался и в общей сложности превысил 43 месяца. Доводы защиты о нарушении части шестой статьи 109 УПК РФ, предписывающей немедленное освобождение обвиняемого по истечении предельного (18 месяцев) срока его содержания под стражей, были отвергнуты.

Конституционный Суд РФ признал положения частей третьей — седьмой статьи 109 УПК РФ в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они предполагают, что при возвращении уголовного дела прокурору продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходимого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, а также не исключают возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с необходимостью устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом.

Реализация данного постановления судами общей юрисдикции требует особого внимания к трем аспектам:

- возвращая уголовное дело прокурору, суд обязан установить разумный срок, который достаточен для производства

следственных и иных процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела, и разрешить вопрос о мере пресечения (абз. 2 пункта 4 мотивировочной части);

- суд может продлить на разумный срок время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного 18-месячного срока прежде всего в целях его ознакомления с новыми для него, не фигурировавшими ранее в деле материалами, которые получены в ходе устранения выявленных нарушений, а по ходатайству обвиняемого или его защитника — и с иными материалами данного дела, и при обязательном наличии оснований и условий для применения этой меры пресечения. То есть, возвращая дело прокурору суд одновременно определяет два срока: первый для устранения недостатков расследования и второй — содержания под стражей;
- в случае назначения наказания, несопоставимого с ограничениями, связанными с данной мерой пресечения, в том числе в части продолжительности содержания под стражей, которое претерпел обвиняемый, суд в приговоре может признать его право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ.

При этом возникает вопрос о том, продлевается ли в таком порядке срок содержания под стражей однократно или же неоднократно.

Представляется, что этот вопрос должен быть разрешен исходя из ранее выработанной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что при отсутствии прямого указания о том в законе недопустимо многократное (повторное) продление сроков содержания обвиняемого под стражей со ссылками на одну лишь необходимость ознакомиться с материалами оконченого расследования, поскольку это противоречило бы конституционному требованию о недопустимости избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания под стражей (Постановление от 13 июня 1996 года № 14-П, Определение от 25 декабря 1998 года № 167-О). Ограничительное толкование, принятое Конституционным Судом Российской Федерации,

согласуется с требованиями статьи 5 Конвенции, которая признает заключение под стражу исключительным отступлением от права на свободу и допустимым в исчерпывающим образом перечисленных и строго определенных случаях (Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 мая 2012 года по делу «Суслов против Российской Федерации», § 77, и др.). Иное, по меткому выражению судьи Конституционного Суда РФ С.М. Казанцева, привело бы к тому, что обвиняемый расплачивался бы в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за недостатки предварительного следствия, т. е. за ошибки своего процессуального противника — стороны обвинения⁴.

На практике вызывает сложности и вопрос об *установлении срока содержания под стражей при постановлении приговора*. Суд, постановляя обвинительный приговор и назначая по нему наказание в виде реального лишения свободы — по сложившейся судебной практике и буквальному смыслу п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, — избирает или оставляет без изменения ранее избранную меру пресечения в виде заключения под стражу до вступления этого приговора в законную силу. При этом продолжительность срока содержания под стражей или конкретная календарная дата, до которой действует мера пресечения, не указываются. Закон прямо не обязывает конкретизировать срок содержания под стражей и суду апелляционной инстанции, ни при назначении заседания (п. 4 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ), ни в своем итоговом решении (п. 9 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ). При этом по буквальному смыслу статьи 255 УПК, регламентирующей сроки содержания под стражей и порядок их продления, эта статья действует лишь до вынесения приговора.

Изменению этой практики не способствует и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в пункте 57 своего Постановления от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» также подчеркивает, что

⁴ См.: Особое мнение С.М. Казанцева к Постановлению Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 г. № 23-П.

при вынесении обвинительного приговора мера пресечения действует до вступления приговора в законную силу.

Однако такая практика может нарушать конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное ст. 22 Конституции РФ, в условиях, когда производство в суде второй инстанции затягивается. Наглядным тому примером служит ситуация, рассмотренная в Определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 г. № 293-О-О. Приговором Тобольского городского суда Тюменской области от 26 февраля 2007 года М. Н. Искандаров признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 статьи 286 УК РФ, и ему назначено наказание в виде одного года лишения свободы, срок которого должен был закончиться 3 мая 2007 года, а суд второй инстанции рассмотрел данное дело лишь от 25 мая 2007 года.

Представляется, что по смыслу правовых позиций, сформулированных Конституционным судом РФ в Постановлении от 22.03.2005 г. № 4-П, избирая заключение под стражу или оставляя данную меру пресечения без изменения судом, осуществляющим производство по делу уже после вынесения приговора, но до его вступления в законную силу и обращения к исполнению (в том числе и судам апелляционной, кассационной и надзорной инстанций) целесообразно указывать конкретный срок содержания осужденного под стражей. Данный срок не может превышать назначенного по приговору суда наказания или же должен продлеваться. Для установления срока и его продления вполне могут быть применены положения статьи 255 УПК.

Судам следует также учитывать, что Пленум Верховного Суда РФ в пункте 29 вышеуказанного Постановления рекомендует в резолютивной части любого решения о продлении срока содержания под стражей указывать, на какой срок оно принято, а также дату окончания срока.

Еще одной действенной мерой, обеспечивающей соблюдение баланса частных и публичных интересов при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу при недостаточности сведений о наличии должных оснований и условий ее применения, особенно в ситуациях, не терпящих отлагательства, могло бы быть введение практики *сокращения санкционируемых сроков*

содержания под стражей. Процессуальный закон определяет такие сроки верхним, а не нижним пределом. Следовательно, руководитель следственного органа, давая согласие следователю, а также суд, рассматривая соответствующее ходатайство, установив «изъясн» доказательственной базы, могут санкционировать применение этой меры на сокращенный срок (10, 15 дней), указав при этом, какие сведения необходимо представить для дальнейшего продления срока.

Обжалование решений судов о мере пресечения

Суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, реализуя правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, отменяют постановления нижестоящих судов, которыми продлевался срок содержания под стражей обвиняемых со ссылкой на тяжесть обвинения, но без достаточных доказательств, подтверждающих основания для сохранения этой самой строгой меры пресечения, или доказательств, подтверждающих обоснованность подозрения. При этом на протяжении ряда лет складывается такая практика, когда, направляя материалы на новое рассмотрение, вышестоящие суды сами избирают эту же меру пресечения, но уже на более короткий срок — 1 месяц. Например, такие решения принимались кассационными определениями Верховного Суда РФ от 30 ноября 2005 г. № 81-о05-10310⁵, от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219⁶, от 26 февраля 2010 г. № 14-О10-5⁷, от 13 апреля 2011 г. № 49-О11-39⁸, кассационным определением Московского городского суда от 12 декабря 2012 года № 22-16665⁹.

Показательным примером является апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2015 года по делу

⁵ СПС «Консультант Плюс». 2016.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

⁷ Дело № 15872/15-01/12. Архив Конституционного Суда РФ. 2013.

⁸ Дело № 4266/15-01/13. Архив Конституционного Суда РФ. 2013.

⁹ ИБ «Суды общей юрисдикции» СПС «Консультант Плюс». 2016.

№ 10–5456¹⁰, которым было отменено постановление Савеловского районного суда г. Москвы от 23 марта 2015 года, о продлении срок содержания под стражей обвиняемого на 2 месяца, а материалы ходатайства направлены на новое рассмотрение в тот же суд, в ином составе. Основанием для отмены явились отсутствие в материалах каких-либо документов, которые давали бы основание суду сделать вывод об обоснованности подозрения. При этом апелляционная инстанция вторым пунктом резолютивной части своего решения установила срок содержания под стражей обвиняемого по 13 мая 2015 года, то есть фактически продлила срок действия этой меры пресечения на 14 дней при отсутствии доказательств обоснованности подозрения.

Тем самым суд второй инстанции, констатируя отсутствие достаточных оснований для продления срока содержания под стражей в суде первой инстанции и не восполняя это отсутствие в судебном заседании, избирает меру пресечения, фактически презюмируя ее основания. Представляется, что такая практика не в полной мере согласуется с уголовно-процессуальным законом, правовыми позициям высших судов и статьями 22, 46 и 49 Конституции РФ. Основания для продления срока содержания под стражей должны не презюмироваться, а устанавливаться в судебном заседании на основе доказательств, сомнения же в обоснованности такой меры пресечения — толковаться в пользу обвиняемого. Поэтому более правильным представляется позиция суда второй инстанции, который, отменяя постановление нижестоящего суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении ее срока и направляя материал на новое рассмотрение, избирает более мягкую меру пресечения¹¹.

В тех же случаях, когда освобождение обвиняемого из-под стражи, по убеждению суда, невозможно, то, на наш взгляд, следует не отменять все судебное решение, а его изменять — снижая срок содержания под стражей с нескольких месяцев до минимального предела, достаточного для решения вопроса о новом его

¹⁰ ИБ «Суды общей юрисдикции» СПС «Консультант Плюс». 2016.

¹¹ См. Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2010 № 56-О10–19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 11.

продлении. В этом случае направление ходатайства на повторное рассмотрение не требуется, тем более, что избрание меры пресечения «задним числом» юридически невозможно¹². Соответственно этому в рассмотренном выше примере, если бы апелляционная инстанция не направила материал на новое рассмотрение, а изменила бы судебное решение, орган расследования имел бы возможность обратиться в суд первой инстанции с новым ходатайством, рассматривая которое суд первой инстанции учел бы позицию вышестоящего суда.

Данные рекомендации не противоречат разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, данными в п. 29, 55 и 58 Постановления от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

В судебной практике возник вопрос о том, может ли суд апелляционной инстанции при отмене постановления суда первой инстанции об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу самостоятельно принять решение об удовлетворении ходатайства следователя и избрании такой меры пресечения. Возможно ли принятие такого решения при отсутствии соответствующего представления прокурора?

Трудности решения этого вопроса связаны с дисбалансом полномочий следственных органов и прокурора. Первые не вправе подавать апелляционные жалобы и представления, а второй — приносить ходатайство об избрании меры пресечения. Решение этой проблемы должно быть дано законодателем.

На уровне правоприменения ответ на данный вопрос зависит от единства позиции стороны обвинения. Если эти позиции в ходатайстве об избрании меры пресечения и в апелляционном представлении совпадают, то у суда апелляционной инстанции есть техническая возможность вынести решение об удовлетворении ходатайства и представления. На это ориентирует суды пункт 55 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому суд апелляционной инстанции вправе избрать более строгую меру пресечения, в избрании которой было

¹² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2013 г. № 270-О.

отказано судом первой инстанции, если об этом ставится вопрос в представлении прокурора либо жалобе потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя. Однако такое решение будет основано на расширительном истолковании (аналогии) ряда процессуальных норм, которые прямо не предусматривают полномочия суда апелляционной инстанции рассматривать обращение к суду первой инстанции ходатайство следователя. Использование же аналогии процессуального закона против интересов обвиняемого не согласуется с презумпцией невиновности, которая, теоретически, предполагает толкование в его пользу сомнений, возникающих при уяснении смысла применяемого закона.

Если же прокурор, потерпевший, его представители возражают против удовлетворения ходатайства следователя, не оспаривают решение суда первой инстанции, то суд апелляционной инстанции не имеет даже технической возможности рассмотреть этот вопрос.

Следует иметь в виду, что решение суда об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты об изменении меры пресечения с заключения под стражу на меру, не связанную с лишением свободы, — самостоятельному апелляционному обжалованию не подлежит. Это вытекает из определения Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2292-О.

Применительно к прежнему кассационному производству судебная практика судов общей юрисдикции, реализуя правовые позиции Конституционного Суда РФ (Постановление от 22.03.2005 г. № 4-П и Определение от 27.01.2011 г.а № 31-О-О), шла по иному пути. Суды второй инстанции принимали к рассмотрению жалобы на постановления нижестоящих судов, которыми было отказано в удовлетворении ходатайства следователя, а равно защитника об изменении меры пресечения с заключения под стражу на более мягкую¹³.

¹³ См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 октября 2011 года № 22–6227/11, Определение Ленинградского областного суда от 5 мая 2010 года № 22–709/2010, кассационные определения Московского городского суда от 9 августа 2010 года № 22–10011, от 7 декабря 2011 г. № 22–14748, от 26 декабря 2011 г. по делу № 22–15945/2011г, от 29 августа 2012 года по делу № 22–11606/2012г, от 24 сентября 2012 года по делу № 22–12921.

Введение полноценной апелляции вместо кассации повлекло уточнение правовой позиции Конституционного Суда РФ. Поскольку отказ в удовлетворении такого ходатайства не влечет продления срока содержания под стражей, установленного судебным решением, которое подлежит самостоятельному обжалованию в вышестоящем суде, постольку законность и обоснованность постановления суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты об изменении меры пресечения с заключения под стражу на меру, не связанную с лишением свободы, может быть проверена при принятии судом решения о продлении срока содержания под стражей, т. е. так же как и ранее — до постановления приговора. Самостоятельное же апелляционное обжалование таких решений, при злоупотреблении правом со стороны заинтересованных лиц, могло бы привести к нарушению баланса частных и публичных интересов.

Освобождение из-под стражи

УПК РФ предусматривает общую гарантию от чрезмерно длительного и необоснованного ограничения права обвиняемого на свободу — продление предельного (установленного на основании закона) срока содержания под стражей не допускается, и обвиняемый подлежит немедленному освобождению (ч. 2 ст. 10, ч. 4 ст. 109). Однако неторопливое стремление «установить истину», соединить дела, направить их на дополнительное расследование, возратить прокурору зачастую приводит к тому, что установленных законом сроков не хватает. Освобождать из под стражи лицо, обвиняемое в совершении особо тяжких преступлений, правоприменители не готовы. Их можно понять: предполагаемый убийца не должен на свободе угрожать потенциальным жертвам.

В частности, эта гарантия не срабатывает, когда обвиняемый в совершении особо тяжкого преступления незаконно содержится под стражей в течении нескольких дней. Примером тому является ситуация, рассмотренная Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 24 июня 2014 года № 1328-О.

Постановлением судьи Ленинского районного суда города Нижнего Тагила Свердловской области от 30 апреля 2013 года было

частично удовлетворено ходатайство прокурора о продлении срока содержания под стражей заявителя — С. А. Мяличева, в отношении которого, как обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 105 УК РФ, и объявленного в федеральный, а затем и в международный розыск, 6 апреля 2012 года была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

19 февраля 2013 года С. А. Мяличев был задержан на территории Китайской Народной Республики и 27 марта 2013 года экстрадирован на территорию Российской Федерации. При этом срок содержания его под стражей ошибочно исчислялся не с момента фактического задержания, а с момента передачи задержанного Российской Федерации. То есть в этом деле прокурор, увидев, что срок содержания под стражей обвиняемого из-за неправильного его исчисления уже истек месяц назад, вместо того, чтобы немедленно освободить обвиняемого, инициировал дальнейшее продление срока содержания под стражей.

В этом Определении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что нормы части 8.1 статьи 109 и части 2.1 статьи 221 УПК РФ в системном единстве с другими нормами УПК РФ допускают продление срока содержания под стражей только в конституционно значимых целях и являются дополнительной гарантией обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность, поскольку предполагают направление в суд не произвольного, а обусловленного обстоятельствами конкретного дела ходатайства, т. е. требуют подтверждения оснований применения этой меры пресечения достаточными данными, которые устанавливаются в соответствии с уголовно-процессуальным законом и предусматривают принятие судом решения до истечения ранее назначенного срока содержания под стражей.

По смыслу данного определения, вопрос о продлении срока содержания под стражей или новом избрании данной меры пресечения решается самостоятельно от вопроса об иных последствиях неправильного исчисления срока содержания под стражей. Представляется, что в подобных случаях баланс частных и публичных интересов был бы соблюден при применении так называемой частичной реабилитации, предусмотренной ч. 3 ст. 133 УПК РФ,

согласно которой право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 этого Кодекса, имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. При этом разумеется, что все время лишения свободы должно быть включено в срок содержания под стражей как при его продлении, так и при назначении уголовного наказания.

Другая незаконная «лазейка» для игнорирования гарантии немедленного освобождения из-под стражи кроется в ч. 8 статьи 106 УПК, согласно которой если внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога. Соответственно, перед достижением совокупного срока домашнего ареста или содержания под стражей суд изменяет эту меру пресечения на залог в таком размере, который обвиняемому явно не по карману, и в своем постановлении указывает, что до внесения залога применяется прежняя мера пресечения, срок действия которой, якобы, уже определяется не по общим правилам статьи 109 УПК, а по специальным правилам части 8 статьи 106 УПК, т. е. не ограничен календарным временем, либо определяется дискреционным усмотрением суда, тем более, что ч. 7.1. ст. 108 УПК допускает избрание залога по инициативе суда¹⁴.

Несмотря на внешнюю привлекательность такого толкования, оно незаконно, т. к. не согласуется с предписаниями ч. 7 ст. 106 УПК (об установлении срока внесения залога), с сущностью залога как психологически-принудительной меры пресечения, основанной на обещании и согласии с ней самого обвиняемого; но главное — нарушает конституционный запрет чрезмерной длительности содержания под стражей, о котором нам и так регулярно напоминает ЕСПЧ¹⁵.

¹⁴ См.: Постановление Советского районного суда г. Орла от 3 октября 2011 года по уголовному делу гражданина С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 30 ч. 3, ст. 132 ч. 3 п. «а», ст. 161 ч. 1 УК РФ // Дело № 934/15–01/2014 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.

¹⁵ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2012 по делу «Михаил Гришин против Российской Федерации».

В судебной практике неоднозначно решается и вопрос о том, подлежит ли по правилам статьи 311 УПК РФ немедленному освобождению из-под стражи осужденный, который освобожден от дальнейшего отбывания наказания условно-досрочно, в порядке замены неотбытой части, в связи с болезнью или с изданием нового уголовного закона, имеющего обратную силу. Многие суды отвечают на этот вопрос положительно¹⁶, другие отрицательно¹⁷.

Данный вопрос был разрешен Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 13 декабря 2016 года № 2580-О. В Конституционный Суд обратился Костромской районный суд Костромской области с запросом о проверке конституционности ст. 311 и ч. 3 ст. 391 УПК РФ. По мнению заявителя, невозможность немедленного освобождения лица от наказания в связи с приведением постановленного в отношении него приговора в соответствие с новым уголовным законом противоречит Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии запроса к рассмотрению, указал, что немедленное освобождение подсудимого из-под стражи, предусмотренное указанными нормами, по своей юридической природе является отменой меры пресечения и обеспечивает соблюдение конституционных принципов презумпции невиновности и соразмерности ограничения прав и свобод. Решение же суда об освобождении от дальнейшего отбывания наказания принимается в отношении лица, осужденного за совершение преступления вступившим в законную силу приговором суда, и является коррекцией уголовного наказания. Пребывание лица под стражей до вступления в законную силу решения суда об его освобождении охватывается сроком наказания, ранее назначенного по сохраняющему силу приговору.

¹⁶ См.: Письмо Красноярского краевого суда от 18.09.2007 № 01–02ГП–к12/07; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.04.2015 № 85–УД15–5; Обзор от 09.08.2016 № 5308–22/628 судебной практики по делам, связанным с освобождением осуждённых от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), рассмотренным судами Кемеровской области в I полугодии 2016 года; Все решения приведены по СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ См., например: Апелляционное определение Калининградского областного суда от 26.09.2012 по делу № 33–3939/12.

Таким образом, статья 311 УПК РФ на исполнение уголовного наказания не распространяется.

Сохраняют актуальность вопросы освобождения из-под стражи в связи с болезнью обвиняемого. Согласно ч. 1.1. ст. 110 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу изменяется на более мягкую при выявлении у обвиняемого тяжелого заболевания, удостоверенного медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования; перечень таких заболеваний, порядок медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения утверждаются Правительством РФ. Известно, что данная норма стала реакцией законодателя на получившие большой общественный резонанс факты гибели обвиняемых в следственных изоляторах (Сергея Магницкого и Веры Трифоновой).

Между тем на практике возникли проблемы применения данной нормы. Первая касается сроков освобождения из-под стражи. Так, в конкретном деле следователь, усомнившись в достоверности полученного медицинского заключения о состоянии здоровья обвиняемого, стал его проверять и назначил повторное освидетельствование. В результате обвиняемый содержался под стражей свыше месяца уже после получения «первичного» заключения. Конституционный Суд в Определении от 3 июля 2014 г. № 1484-О указал, что получение «первичного» заключения влечет за собой обязанность следователя незамедлительного — без неоправданных задержек — принятия решения об изменении или отмене данной меры пресечения. Решению этой проблемы посвящен принятый 15 февраля 2017 года в первом чтении проект Федерального закона № 30082-7 «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления предельного срока изменения меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием) (Постановление № 946-7 ГД). Проектом предлагается установить трехсуточный срок с момента получения медицинского заключения для изменения меры пресечения.

Вторая проблема состоит в том, что ч. 1.1 ст. 110 УПК допускает такое толкование, согласно которому любые другие доказательства (кроме специального медицинского заключения, полученного в предусмотренном этой нормой и Постановлением Правительства

РФ порядке) отвергаются или признаются недопустимыми для установления соответствующего заболевания. Так, в конкретном деле было проигнорировано заключение экспертов, первоначально полученное по гражданскому делу и представленное следователю. Это толкование воспроизводит конструкцию, известную в юридической науке как позитивную систему формальных доказательств, и, по сути, противоречит принципу свободы оценки доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК). Как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 3 июля 2014 года № 1485-О, на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и администрацию места содержания под стражей возлагается публично-правовая обязанность заботиться о жизни и здоровье заключенных. Из этой обязанности, как представляется, вытекает возможность доказывания их состояния здоровья и в общем порядке, предусмотренном главой 11 УПК РФ, то есть с помощью любых других доказательств.

Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей

Достаточно острым продолжает оставаться вопрос об обеспечении доступа адвокатов-защитников в следственные изоляторы.

Как следует из материалов, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 25 октября 2016 года № 2358-О, сотрудники следственного изолятора отказали в предоставлении свиданий адвокатам Г. А. Алиеву и С. В. Бадамшину с содержащейся в данном учреждении обвиняемой в совершении преступления А. П. Ивановой на том основании, что при обращении адвокатов с заявлениями о свидании в следственном изоляторе отсутствовали уведомления следователя о допуске данных лиц в качестве защитников А. П. Ивановой. Такая позиция администрации следственного изолятора была признана законной судами при рассмотрении административного искового заявления адвокатов.

Конституционный Суд Российской Федерации в вышеуказанном Определении подчеркнул, что его правовые позиции, выработанные по этому вопросу в Постановлении от 25 октября

2001 года № 14-П, сохраняют свою силу и подлежат обязательному учету как федеральным законодателем при принятии законов, так и правоприменителями при производстве по конкретным уголовным делам. Согласно этим позициям, выполнение адвокатом, имеющим ордер юридической консультации на ведение уголовного дела, процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, основанного не на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, исключающих участие этого адвоката в деле; требование обязательного получения адвокатом (защитником) от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, разрешения на допуск к участию в деле означает, по существу, что подозреваемый и обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) — возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) либо субъективного (нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера.

Соответственно, вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника влечет возникновение обязанности следователя обеспечить реализацию права на свидания с доверителем, выполнение которой не ставится в зависимость от каких-либо дополнительных условий, включая предъявление следователю или администрации места содержания под стражей иных документов, нежели предусмотренных частью четвертой статьи 49 данного Кодекса и статьей 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (адвокатского удостоверения и ордера). Положения статей 49 и 53 УПК РФ не должны служить основанием для лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, принимать правоприменительные акты, разрешающие защитнику участвовать в деле; не должны они рассматриваться и как основание для введения разрешительного порядка реализации права адвоката иметь свидания с подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей.

По смыслу указанного Определения Конституционного Суда Российской Федерации, при предоставлении свиданий с доверителем адвокату, предъявившему удостоверение и ордер, действует презумпция наличия у него процессуального статуса защитника в уголовном деле, бремя опровержения которой возлагается на администрацию следственного изолятора или следователем.

Реализации этой правовой позиции — исключению разрешительного порядка вступления адвоката в уголовное дело — уделено внимание в проекте Федерального закона № 99653–7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве), внесенном Президентом РФ и принятом в первом чтении Государственной Думой 17 марта 2017 года. В проекте предлагается исключить слова о допуске адвоката к участию в деле, заменив их словами об его участии.

Кузнецова Е. В.¹

Kuznetsova E. V.

**О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ ЖЕНЩИН**

**ON THE PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF CITIZENS WHEN
RESTRAINT MEASURE USED IN THE FORM OF WOMEN DETENTION**

В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав граждан при применении меры пресечения в виде заключения, в том числе связанных с заключением под стражу женщин, имеющих детей.

The article deals with the problem of ensuring the rights of citizens when preventive measure used, inter alia, in the form of women with children detention.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу.

Keywords: criminal procedure, the measure of restraint, detention.

На основании Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Приказа Минюста РФ от 25 января 1999 г. № 20 СИЗО входят в структуру территориальных органов уголовно-исполнительной системы. На сегодняшний день в состав УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области входят 6 (шесть) действующих СИЗО, один изолятор в стадии строительства (Колпино) и участки ПФРСИ в ИК-4; 6, созданные на основании Приказа Минюста РФ от 30 декабря 2008 г. № 323 «О создании помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора, и внесении изменений в Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 107»; Приказ Минюста РФ от 19 мая 2008 г.

¹ КУЗНЕЦОВА Елена Валерьевна, помощник начальника УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе, подполковник внутренней службы.

KUZNETSOVA Elena Valerievna, Assistant Chief of the Federal Penitentiary Service of Russia in St. Petersburg and Leningrad Region on Observation of Human Rights in the Penal System, the Lieutenant Colonel of Internal Service.

№ 107 «О создании помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, и утверждении Перечня исправительных учреждений, на территориях которых созданы помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов».

Одна из проблем, существующих сегодня в обеспечении прав граждан, содержащихся в СИЗО, основана на некотором отставании норм действующего законодательства от реалий сегодняшнего дня, а именно: ранее, статьей 33 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривалось, что иностранные граждане и лица без гражданства при наличии условий для их содержания должны содержаться отдельно от других подозреваемых и обвиняемых. Федеральным законом от 5 февраля 2007 г. № 9-ФЗ «О признании утратившим силу абзаца шестого пункта 2 части второй статьи 33 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“», вступившим в силу 19 февраля 2007 г., данное положение утратило силу, что было обусловлено рядом объективных причин.

Положение о раздельном содержании иностранных граждан от других подозреваемых и обвиняемых имеет свои исторические традиции, оно применялось во времена СССР и было обусловлено, с одной стороны, специфическим составом подозреваемых и обвиняемых — иностранных граждан, задерживаемых, как правило, за преступления против государственной безопасности (шпионаж, диверсии и т. д.), а с другой стороны, тем, что дела таких лиц находились в производстве органов государственной безопасности.

В настоящее время положение коренным образом изменилось. В разряд иностранцев попали граждане республик бывшего СССР, которые содержатся под стражей в основном по подозрению и обвинению в совершении бытовых преступлений. В раздельном содержании таких лиц от других подозреваемых и обвиняемых в настоящее время нет никакой необходимости. При этом требования приказов Минюста России данных изменений не претерпели, в частности, Приложение № 76а Приказа МЮ № 204-дсп от 03 октября 2005 г., телефонный разговор, предоставленный администрацией СИЗО или краткосрочное свидание содержащегося лица

может быть прервано даже при наличии разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т. к. запрещается разговаривать на ином, кроме русского или национального (для СИЗО (тюремь), находящихся на территориях суверенных республик), языке. Много примеров содержания в наших СИЗО иностранных граждан, которые вообще не владеют русским языком (Колумбийская группа «ювелирная»; участники «Гринпис» и др.) реализовать право которых на звонок или свидание не представляется возможным, что порождает жалобы, в том числе, в международные инстанции.

Граждане Российской Федерации, задержанные и помещенные под стражу на территории иностранных государств по запросу российской стороны, передаются для дальнейшего уголовного преследования в Россию на основании акта о передаче, а не на основании протокола о задержании, т. е. срок содержания под стражей в СИЗО иного государства не идет в зачет при исполнении приговора на территории РФ, т. к. срок содержания в СИЗО России исчисляется с момента передачи лица в РФ, что нарушает право гражданина.

Особенности содержания под стражей женщин и несовершеннолетних обуславливаются действием принципа гуманизма. Они не свидетельствуют о какой-либо дискриминации других категорий подозреваемых и обвиняемых, например, мужчин, содержащихся под стражей, так как учет физиологических особенностей женщин и несовершеннолетних и, соответственно, установление для них дополнительных льгот лишь «выравнивает» общие условия содержания под стражей.

Статьей 30 Федерального закона Российской Федерации от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» установлено, что подозреваемые и обвиняемые женщины могут иметь при себе детей в возрасте до трех лет.

В местах содержания под стражей для беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, создаются улучшенные материально-бытовые условия, организуется оказание медицинской помощи соответствующего вида и устанавливаются повышенные

нормы питания и вещевого обеспечения, определяемые Правительством Российской Федерации.

Не допускается ограничение продолжительности ежедневных прогулок беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей.

К беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе детей, не может быть применено в качестве меры взыскания водворение в карцер.

В случае необходимости администрация места содержания под стражей может возбуждать в установленном законом порядке ходатайство о временной передаче ребенка родственникам или иным лицам либо в детское учреждение.

В связи с этим в настоящее время реализуется целый комплекс правовых реформ, направленных на совершенствование и развитие отечественной уголовно-исполнительной системы, оптимизацию взаимосвязи с государственными органами и институтами гражданского общества.

На практике администрация следственных изоляторов повседневно сталкивается с большим количеством проблем, возникающих во время содержания женщин, имеющих детей, под стражей.

Действующими нормативно-правовыми актами не предусмотрено урегулирование ряда проблемных вопросов, касающихся организации содержания под стражей женщин с несовершеннолетними детьми, в том числе не определены статус несовершеннолетнего ребенка, находящегося в следственном изоляторе совместно с матерью, подозреваемой (обвиняемой) в совершении преступления, порядок материально-бытового обеспечения детей, в том числе выделение целевого финансирования на приобретение средств гигиены, питания и медикаментов для малолетних детей, организация совместного конвоирования матерей с детьми для проведения следственных действий и на судебные заседания.

В связи с вышеизложенным предлагаю рассмотреть возможность выступления с законодательной инициативой об изменении отдельных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы содержания в местах лишения свободы женщин с детьми:

1. Рассмотреть вопрос об определении социально-правового статуса малолетнего ребенка, находящегося в следственном изоляторе совместно с матерью. Исходя из этого, определить на федеральном

уровне порядок реализации права ребенка и его матери на социальные гарантии государства (оформление полиса обязательного медицинского страхования на ребенка, реализация права на социальные выплаты женщинам по беременности и родам, материнского капитала, пособия по уходу за ребенком, не достигшим полутора лет), порядок обеспечения малолетнего ребенка в следственном изоляторе необходимым специализированным питанием, гигиеническими средствами и лекарственными препаратами в соответствии с возрастом, предусмотрев на это в федеральном бюджете отдельные статьи финансирования.

2. Рассмотреть вопрос об увеличении нормы жилой площади в камере для женщины, содержащейся в следственном изоляторе совместно с малолетним ребенком, из расчета 8 кв. м на одну женщину с ребенком.
3. Рассмотреть вопрос о дополнительных мерах безопасности при конвоировании женщины с малолетним ребенком, исключающих возможность получения травм женщинами с детьми в ходе движения транспортного средства при возникновении нештатных ситуаций (экстренного торможения, совершения ДТП, неровности дорожного покрытия и т. д.) в части оборудования специальных автомобилей детскими удерживающими устройствами или ремнями безопасности в соответствии с п. 22.9 «Правил дорожного движения».
4. Выйти с законодательной инициативой в адрес МВД России в части внесения изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие конвоирование сотрудниками полиции подследственных женщин с малолетними детьми для проведения следственных действий и на судебные заседания в обязательном порядке в сопровождении медицинского работника из числа медицинского персонала полиции. Эту же меру распространить на инвалидов.
5. С учетом специфики оборудования камер, в которых содержатся женщины с детьми, особенностей их вывода на прогулку, внести дополнения в статью 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее — ФЗ) и изложить ее в следующей редакции: «Курящие по возможности помещаются отдельно от некурящих; женщины, имеющие при себе малолетних детей, содержатся отдельно от остальных женщин»; включить в статью 30 ФЗ следующий пункт: «Запрещается курение в камерах, в которых содержатся беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей».
6. В соответствии с п. 45 приказа Минюста РФ от 14.10.2005 № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» (далее — ГТВР

СИЗО) подозреваемые и обвиняемые проходят санитарную обработку не реже одного раза в неделю, им предоставляется возможность помывки в душе продолжительностью не менее 15 минут. Однако ввиду ряда особенностей женского организма необходимо увеличить количество посещений душа женщинами минимум до трех раз в неделю, а для беременных женщин и женщин с малолетними детьми сделать их ежедневными. Предлагаю внести дополнения в п. 45 ПВР СИЗО и изложить его в следующей редакции: «Не реже одного раза в неделю подозреваемые и обвиняемые проходят санитарную обработку, им предоставляется возможность помывки в душе продолжительностью не менее 15 минут. Смена постельного белья осуществляется еженедельно после помывки в душе. Подозреваемые и обвиняемые женщины имеют право пользоваться душем не реже трех раз в неделю, а беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей, — ежедневно».

7. Установить сроки действия дисциплинарной ответственности, наложенной в период содержания в СИЗО для исключения в дальнейшем при отбытии наказания правовых последствий непогашенных взысканий при реализации, в том числе права на условно-досрочное освобождение.

Лапинский В. В.¹

Lapinsky V. V.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ
ПОД СТРАЖЕЙ И ДОМАШНЕГО АРЕСТА В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ
СЛУШАНИИ**

**SOME PROBLEMS OF EXTENDING THE DETENTION PERIOD AND
HOUSE ARREST IN PRELIMINARY HEARING**

В статье рассматриваются вопросы продления срока содержания под стражей и домашнего ареста в предварительном слушании.

The article deals with the extension of the period of detention and house arrest in preliminary hearing.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест.

Keywords: criminal procedure, the measure of restraint, detention, house arrest.

Согласно Уголовно-процессуальному закону Российской Федерации срок содержания под стражей и домашнего ареста продлевается на основании статей 109 или 255 УПК РФ. Иных законодательных положений о продлении сроков этих мер пресечения федеральные законы России не содержат.

Как указано в этих статьях, статья 109 УПК РФ применяется для продления срока при расследовании преступлений, а статья 255 УПК РФ применяется исключительно к подсудимым в ходе судебного разбирательства.

¹ ЛАПИНСКИЙ Владислав Вадимович, Председатель президиума Коллегии адвокатов «Лапинский и партнеры», заместитель председателя Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов и взаимодействию с уполномоченным по правам человека, адвокат, эксперт Информационно-методического центра по международной защите прав человека при Совете Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

LAPINSKY Vladislav Vadimovich, Lawyer, Chairman of the Presidium of the Bar Association «Lapinsky and partners».

Во время предварительного слушания в отношении обвиняемого еще не назначено судебное разбирательство, и поэтому он не может именоваться подсудимым (ч. 2 ст. 47 УПК РФ); вместе с тем, предварительное следствие уже закончено.

Предварительное слушание проводится при наличии к этому оснований по решению суда, вынесенному на основании или ходатайства сторон либо мнению судьи о наличии к этому оснований до назначения судебных заседаний и, соответственно, судебного разбирательства (ст. 227 УПК РФ) и входит в стадию подготовки к судебному заседанию. При нынешнем состоянии следствия и с учетом изменений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство, предварительные слушания могут продолжаться не один месяц, в практике автора был случай, когда предварительные слушания продолжались почти год.

Возникает вопрос: опираясь на какие нормы права, должен продлеваться срок содержания под стражей или домашнего ареста в предварительном слушании? Уголовно-процессуальный кодекс РФ ответа на этот вопрос не дает; Конституционный Суд РФ и Пленум Верховного Суда РФ эту проблему также обходят, впрочем, они не вправе самостоятельно создавать правовые нормы, так как иное противоречит принципу разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти.

Практика пошла по пути продления меры пресечения в предварительном слушании с применением ст. 255 УПК РФ. Но правильно ли это? Ведь такие действия судов — прямое нарушение конституционного принципа о том, что права человека и гражданина могут быть ограничены исключительно федеральным законом. Напомню, что право на личную свободу — это второе по значимости право человека и идет сразу после права на жизнь.

Ответа на правильность применения статьи 255 УПК РФ во время предварительного слушания получить не удастся — апелляционные и кассационные инстанции всех уровней тщательно игнорируют прямо поставленные вопросы и не оценивают законность применения указанной нормы, но из решений этих инстанций (отказ в отмене продления меры пресечения) следует, что «в душе» они данную позицию судов первой инстанции разделяют. Также не реагируют на это федеральные законодатели. Вместе

с тем, данная проблема должна быть разрешена в ближайшее время, так как напрямую затрагивает права человека и гражданина.

Естественно, это может быть решено созданием новой нормы либо внесением изменения в одну из двух существующих норм.

Подпригора Д. А.¹

Podprigora D. A.

**ПРАКТИКА ОЦЕНКИ СУДОМ ВОЗМОЖНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО
(ПОДОЗРЕВАЕМОГО) СКРЫТЬСЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ**

**THE PRACTICE OF THE COURT ASSESS THE POSSIBILITY
OF THE ACCUSED (SUSPECT) TO ESCAPE WHILE CHOOSING
A PREVENTIVE MEASURE N THE FORM OF DETENTION**

В статье рассматриваются практические вопросы оценки судом возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться. Эти вопросы имеют существенное значение при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

The article deals with practical issues of assessment by the court the possibility of the accused (suspect) to escape. These questions are essential for the choice of a preventive measure in the form of detention

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу.

Keywords: criminal procedure, the measure of restraint, detention.

УКП РФ содержит исчерпывающий список оснований, которые подлежат оценке при выборе меры пресечения в отношении конкретного лица. Данные основания указаны в ч. 1 ст. 97 УПК РФ:

1. обвиняемый (подозреваемый) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
2. обвиняемый (подозреваемый) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
3. обвиняемый (подозреваемый) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить

¹ ПОДПРИГОРА Дмитрий Александрович, адвокат Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»

PODPRIGORA Dmitry Alexandrovich, Lawyer of the International Bar Association «St. Petersburg».

доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Мера пресечения в виде заключения под стражу является наиболее жесткой формой обеспечения интересов предварительного расследования и судопроизводства по уголовному делу, так как права и свободы обвиняемого (подозреваемого) в таком случае подлежат максимально возможному ограничению. Очевидно, что доказательства, представляемые следователем (дознавателем) в обоснование наличия таких обстоятельств, должны быть неопровержимыми и надлежащим образом процессуально оформленными. Однако практика рассмотрения ходатайств следователей (дознавателей) об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу свидетельствует об обратном.

При вынесении решения суды должны руководствоваться положениями п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (далее — Постановление Пленума ВС РФ). Так, о том, что лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок либо нарушение лицом ранее избранной в отношении его меры пресечения, не связанной с лишением свободы. В свою очередь, о том, что лицо может скрыться за границей, могут свидетельствовать, например, подтвержденные факты продажи принадлежащего ему на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличия за рубежом источника дохода, финансовых (имущественных) ресурсов, наличия гражданства (подданства) иностранного государства, отсутствия у такого лица в Российской Федерации постоянного места жительства, работы, семьи.

Как видно из указанных выше обстоятельств, часть из них, по своей сути, являются абсолютно нейтральными факторами (отсутствие работы, семьи, наличие за рубежом собственности или доходов за рубежом), которые сами по себе не могут свидетельствовать о желании лица скрыться. Другое дело, что приобретение

собственности за рубежом или перевод денежных средств за рубеж в результате совершения преступления либо незадолго до его совершения действительно следует оценивать как факторы, вызывающие на желание лица изменить место жительства. Однако и в данном случае, по нашему мнению, следует учитывать, в каком именно государстве расположена недвижимая собственность либо финансовые средства, имеется ли у РФ договор с такими государствами о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступлений, и т. д. Однако позиция ВС РФ однозначна, сам факт наличия связи с иностранным государством уже трактуется как возможность скрыться.

Не меньшее удивление вызывает наличие в данном списке семьи и работы, что тем более не свидетельствует о желании либо нежелании, возможности либо невозможности скрыться. В данном случае, позиция ВС РФ выглядела бы более правильной, если бы суд указал, что наличие семьи и работы свидетельствует о том, что обвиняемый (подозреваемый) не подлежит заключению под стражу при отсутствии прямых указаний на желание скрыться.

Аналогичным образом следует оценивать и наличие (отсутствии) постоянного места жительства. При этом следует указать, что вопрос о наличии либо отсутствии постоянного места жительства весьма сложен. Например, нередки случаи, когда лицо снимает жилое помещение без оформления надлежащим образом правоотношений с собственником жилья. Имеется ли у обвиняемого (подозреваемого) постоянное место жительства в таком случае? Установить данный факт не всегда представляется возможным, так как суды отказываются допрашивать свидетелей стороны защиты в рамках судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения. При отсутствии свидетельских показаний у стороны защиты не имеется других возможностей доказать факт проживания лица в конкретном помещении. Следователи также не стремятся допрашивать лиц, которые могут предоставить данную информацию. При этом совершенно не работает принцип обязанности следователя (дознателя) представить доказательства, опровергающие факт проживания лица в конкретном помещении.

Наконец, обстоятельствами, свидетельствующими о возможности скрыться, являются тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок. Причем данные обстоятельства суд может принять во внимание на *первоначальных этапах производства по уголовному делу*. Следует отметить, что такая трактовка ВС РФ является весьма спорной. Исходя из положений УПК РФ, любое решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным и не может основываться на предположениях. Сама по себе тяжесть предъявленного обвинения или возможный длительный срок наказания в виде лишения свободы не свидетельствуют о том, что лицо обязательно скроется от следствия и суда. Это лишь предположение, тем не менее, ВС РФ полагает возможным использовать такое предположение при вынесении решения об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. Также вызывает недоумение словосочетание «на первоначальных этапах производства по уголовному делу». Такое понятие в УПК РФ отсутствует, Постановление Пленума ВС РФ не содержит ответы на следующие вопросы: 1) о каких этапах идет речь; 2) когда они заканчиваются? Таким образом, вопрос оставлен на усмотрение суда, который всегда (на любых этапах производства по уголовному делу) полагает, что тяжесть предъявленного обвинения является достаточным основанием для применения заключения под стражу.

Резюмируя изложенное, представляется, что Постановление Пленума ВС РФ в указанном вопросе подлежит корректировке в сторону большего уклона на действия обвиняемого (подозреваемого), прямо свидетельствующие о его умысле скрыться от суда и следствия, а не на констатацию абсолютно нейтральных с правовой точки зрения фактов, которые судом интерпретируются в откровенно обвинительном ключе. Если приговор суда не может основываться на предположениях, то и иные решения суда также не могут быть вынесены на основании предположений. В рассматриваемом случае все обстоятельства, указанные в Постановлении Пленума ВС РФ, за исключением нарушения ранее избранной меры пресечения, сами по себе не дают оснований полагать, что лицо может скрыться от суда и предварительного расследования.

Смирнов Д. Ю.¹

Smirnov D. Yu.

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ:
СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

**THE USE OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF CUSTODY:
RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN**

В статье рассматриваются некоторые проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом обращается внимание на необходимость соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

This article deals with some problems of application of a preventive measure in the form of custody. At the same time it draws attention to the need of respecting the rights and freedoms of man and citizen.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, права человека.

Keywords: criminal procedure, the measure of restraint, detention, human rights.

Мера пресечения в виде заключения под стражу является самой суровой мерой пресечения, в максимальной степени ограничивающей права и свободы человека. В то же время необходимо отметить, что в настоящее время многое делается для того, чтобы лица, к которым применена данная мера пресечения, содержались в надлежащих условиях. Уже скоро вступит в строй новый следственный изолятор, который по многим оценкам будет самым комфортабельным в Европе, да и норма площади в 7 квадратных метров на каждое лицо, содержащееся в следственном изоляторе, вполне сопоставима, например, с жилой площадью на одного студента, проживающего в общежитии.

¹ СМІРНОВ Дмитрій Юрійович, і. о. начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу.

SMIRNOV Dmitry Yuryevich, Acting Head of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation in St. Petersburg.

Все мы являемся членами общества, а всемерное обеспечение безопасности, в том числе законное заключение лица под стражу, является первейшим фактором, обеспечивающим существование самого общества. Поэтому рабочие встречи, подобные этой, крайне важны. Они помогают совместно определить существующие проблемы и найти пути их устранения, возможно, в дальнейшем облеченные в форму законодательных инициатив. А проблемы в пенитенциарной деятельности, к сожалению, имеются.

Вот одна из таких проблем.

В России по-прежнему значительным остается число лиц без определенного места жительства. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что если они обвиняются или подозреваются в совершении преступления, даже нетяжкого, то в 90% случаев к ним будет применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Отчасти это необходимо, поскольку в противном случае этих лиц будет впоследствии не разыскать, что противоречит принципу неотвратимости наказания и нарушает право граждан на доступ к правосудию.

В то же время закон обязывает при избрании меры пресечения учитывать в совокупности тяжесть деяния, личность обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, его последующее поведение. В вышеуказанном же случае только тот факт, что обвиняемый или подозреваемый является лицом без определенного места жительства, перевешивает все остальные факторы.

Это лицо без определенного места жительства может признавать свою вину в совершении преступления, сотрудничать со следствием, быть ранее не судимым, но все равно он будет заключен под стражу.

С другой стороны встает вопрос: а какую меру пресечения можно применить к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления лицу без определенного места жительства?

Подписку о невыезде и надлежащем поведении или домашний арест? Этому лицу нигде проживать.

Залог? У него нет денег.

Личное поручительство? У этого лица нет поручителей, которые эффективно обеспечили бы надлежащее участие лица в процессе на стадии предварительного следствия и суда.

К сожалению, надлежит констатировать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит в себе никаких иных реальных мер пресечения, кроме заключения под стражу, для подозреваемых и обвиняемых лиц без определенного места жительства, что, по сути, не оставляет выбора для следователя и суда при решении этого вопроса. Такая ситуация вряд ли является справедливой и вряд ли служит обеспечению баланса между интересами следствия и принципами гуманизма.

Исходя из этого, предлагается выйти с инициативой о создании особых пенитенциарных заведений, возможно, взяв на вооружение опыт лечебно-трудовых профилакториев, существовавших в СССР, в которых режим содержания, в целом, был несравненно мягче, чем в местах лишения свободы, но в то же время асоциальные элементы, содержащиеся в них, всегда находились под контролем государственных структур.

Исходя из этого, представляется целесообразным проработка вопроса о внесении законодательной инициативы о введении в действие новой меры пресечения, связанной с ограничением свободы.

Речь идет о разработке статуса и создании сети пенитенциарных учреждений, куда помещались бы лица без определенного места жительства (повторюсь: обвиняемые в нетяжком преступлении, ранее не судимые, признающие свою вину, сотрудничающие со следствием) до решения суда.

Режим этих учреждений должен быть мягче режимов следственных изоляторов. Например, возможно установление того, что лицо просто возвращалось бы к определенному времени в данное учреждение и строго соблюдало бы режим содержания. Однако необходимо законодательно установить и то, что если лицо скроется или злостно нарушит режим, то в отношении его автоматически возбуждается ходатайство о заключении его под стражу.

На наш взгляд, применение такой меры пресечения будет:

- соответствовать принципам справедливости и гуманизма;
- учитывать тяжесть преступления, в котором обвиняется лицо;
- в большей степени учитывать личность обвиняемого;

- обеспечивать возможность эффективного и быстрого расследования и судебного разбирательства;
- разгрузит следственные изоляторы, что позволит, в свою очередь, улучшить условия содержания в них и, как следствие, отчасти снять проблему постоянного удовлетворения Европейским Судом по правам человека исков к Российской Федерации о ненадлежащих условиях содержания лиц под стражей.

Топильская Е. В.¹

Topilskaya E. V.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ: ПОЗИЦИИ СТОРОН; ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

DETENTION: POSITIONS OF THE PARTIES. THEORY AND PRACTICE

В статье рассматривается применение меры пресечения в виде заключения под стражу на примере практики следственных и судебных органов Санкт-Петербурга, с учетом криминологических данных об оценке обществом преступной угрозы. Анализируются наиболее распространенные ошибки как стороны обвинения, так и защиты при рассмотрении ходатайств о заключении обвиняемых и подозреваемых под стражу. Даются рекомендации по оценке данных, представленных в подтверждение наличия оснований для заключения под стражу.

The article deals with the taking into custody as a form of the preventive punishment, considering the practice of the investigators and judges in Sankt-Petersburg, taking into account some criminological data of public assessment of the crime threat. The most frequent mistakes done by the prosecution as well as the defense side are analyzed. And some recommendations about the assessment of the confirmation that the imprisoning of the accused is necessary are given by the author.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, обвиняемый.

Keywords: taking into custody, preventive punishment, accused.

¹ ТОПИЛЬСКАЯ Елена Валентиновна, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.

TOPILSKAYA Elena Valentinovna, Associate Professor at the Criminal Law Department of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.

Применение заключения под стражу как меры пресечения в России и в Санкт-Петербурге

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, судами принимается положительное решение о заключении обвиняемых (подозреваемых) под стражу по ходатайству стороны обвинения не менее чем в 90% случаев, и данная тенденция сохраняется с начала 2000-х по настоящее время: в 2015 г. из 154260 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, рассмотренных судами, удовлетворено 140457, то есть 90,9%². Эта ситуация характеризуется специалистами как избыточное применение данной меры пресечения³.

По ходатайствам органов следствия и дознания Санкт-Петербурга в 2014 г. заключено под стражу не менее 1244 человек (органы дознания сообщают о количестве уголовных дел, по которым избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а не о количестве лиц, заключенных под стражу), в 2015 г. — не менее 1204 человек.

Другие меры пресечения, кроме подписки о невыезде, применяются в ничтожно малых количествах: в 2014 г. следственными органами домашний арест применялся в 1,6% случаев, залог — в 0,3%.

В 2015 г. применение залога вдвое выросло (до 0,6%), количество случаев применения домашнего ареста незначительно сократилось (до 1,4%), на динамику заключения под стражу это фактически не повлияло. Органами дознания эти меры пресечения — залог и домашний арест — не применялись.

Специалисты отмечают, что в настоящее время репрессия судов при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и при продлении срока содержания под стражей гораздо выше как существовавшей в первые годы действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так и в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., когда мера пресечения

² См.: Официальный сайт Верховного Суда РФ // URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 18.10.2016).

³ См.: Щерба С., Попова А. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. — С. 22.

в виде заключения под стражу избиралась и продлевалась прокурором. В некоторых регионах России удельный вес удовлетворенных ходатайств о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей составляет более 93%, до 98–99%⁴.

В то же время опрос прокурорских работников — как ныне работающих в органах прокуратуры, так и находящихся в отставке, показал, что мера пресечения в виде содержания под стражей санкционировалась прокурорами в среднем примерно в 77–85 случаях из 100⁵.

Рис. 1. Санкционирование заключения под стражу прокурором

В первые годы после передачи суду права решать вопрос о заключении под стражу подозреваемых и обвиняемых количество арестов заметно снизилось. Но, как заметил А. Т. Гольцов, «растерянность» прошла достаточно быстро, и количество арестованных судами стало постепенно увеличиваться. С 2005 г. начался рост как числа поданных следствием ходатайств об аресте обвиняемого /подозреваемого — на 19,8% больше, чем в 2004 г., так и удовлетворенных судом ходатайств — на 0,4% больше, чем

⁴ См.: Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда // Адвокат. 2010. № 12. — С. 23–30; Уланова Ю. Ю. О проблемах реализации статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2010. № 5. — С. 48–50.

⁵ См.: Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда. — С. 25.

в предыдущем году⁶. Кроме того, позиция суда в последнее время ужесточилась до такой степени, что ежегодно судами удовлетворяется около 200 ходатайств следователей вопреки позиции прокурора, участвовавшего в судебном заседании и заявившего, что оснований для ареста нет⁷. Уменьшается количество случаев применения залога вместо запрашиваемого органами следствия заключения под стражу: 109 в 2015 г. против 143 в 2014 г.⁸

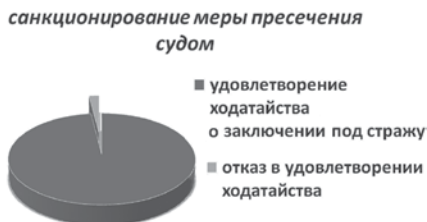

Рис. 2. Санкционирование заключения под стражу судом

Ужесточение уголовной репрессии на досудебной стадии с начала XXI в. связывают, в частности, с усугубляющейся криминогенной ситуацией в обществе, с утрачиванием нравственных идеалов⁹. Вообще уровень жесткости уголовной репрессии при избрании мер пресечения не может рассматриваться в отрыве от сведений о состоянии преступности.

Влияние состояния преступности и оценки обществом этой угрозы на жесткость уголовной репрессии. За 6 последних лет в Санкт-Петербурге существенно снизился объем преступности:

⁶ См.: Гольцов А. Т. Заключение под стражу в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. — С. 3.

⁷ См.: Щерба С., Попова А. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. — С. 22.

⁸ См.: Барабаш А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016, № 4. — С. 120.

⁹ См.: Фомин М. Ю. Защита прав лиц, заключенных под стражу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. — С. 2.

с 77146 зарегистрированных преступлений в 2009 г. до 56480 в 2015 г. Предыдущие показатели были следующими:

- 2010 г.: 64370 зарегистрированных преступлений;
- 2011 г.: 59318 зарегистрированных преступлений;
- 2012 г.: 56439 зарегистрированных преступлений;
- 2013 г.: 55110 зарегистрированных преступлений;
- 2014 г.: 56463 зарегистрированных преступлений.

Раскрываемость отдельных категорий тяжких и особо тяжких преступлений находится в диапазоне от 35–40% до 75–80 и даже (в некоторых районах) до 100%.

В 2014 году в 17 районах Санкт-Петербурга отмечено снижение уровня преступности по тяжким и особо тяжким преступлениям, однако удельный вес этих преступлений в общей структуре преступности высок (42,4%, почти вдвое выше общероссийского) и последние 3 года незначительно (на 2–3%) растет¹⁰. Тем не менее показатели преступности по насильственным преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью и посягательствами на половую неприкосновенность, за последние годы уменьшились. Прогнозируется, что количество убийств и покушений на убийства в 2016 году по Санкт-Петербургу останется на прежнем уровне, и ожидается снижение количества фактов причинения тяжкого вреда здоровью в пределах 5% по отношению к предыдущим годам; примерно на прежнем уровне останется количество изнасилований и покушений на изнасилование¹¹.

Приведенные данные говорят о том, что хотя уровень и опасность преступности в нашем регионе достаточно высоки, оценка обществом интенсивности этой угрозы не дает оснований для усиления уголовной репрессии. Это подтверждается результатами социологических исследований: позитивных оценок жителями ситуации с преступностью практически во всех районах

¹⁰ См.: Правопорядок и общественная безопасность в районах Санкт-Петербурга. По итогам 2014 г. — Администрация Санкт-Петербурга, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности, Комитет по информации и связи, Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр, 2015.

¹¹ См.: Сагайдак А. Ю., Корсикова Н. А. Криминологический анализ состояния преступности в Санкт-Петербурге за 2010–2015 годы // Наука и практика. 2016. № 2 (67). — С. 178–182.

Санкт-Петербурга, больше чем негативных¹². Есть два социально-криминологических фактора, могущих повлиять на тенденцию чаще применять к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений такую меру пресечения, как заключение под стражу: в Санкт-Петербурге один из наиболее высоких в России процентов преступлений, совершенных в общественных местах (45,6%), и чрезвычайно высокий уровень рецидивной преступности. 67% лиц, совершивших преступление, имеют неснятую и непогашенную судимость.

Нормативное и доктринальное обеспечение применения меры пресечения в виде заключения под стражу

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом мера пресечения (любая из перечисленных в законе, не только заключение под стражу) может быть избрана лишь если есть достаточные основания полагать, что обвиняемый (подозреваемый):

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Законодатель, используя формулировку «вправе избрать», не обязывает дознавателя, следователя или суд избирать меру пресечения во всех случаях; у подозреваемого (обвиняемого) даже при наличии вышеперечисленных оснований может быть отобрано обязательство о явке, которое не является мерой пресечения (ст. 111–112 УПК РФ). Между тем складывается впечатление, что правоприменители, представляющие сторону обвинения, убеждены в необходимости применения меры пресечения в каждом случае. М. Ю. Фомин в 2001 г. указывал, что на стадии предварительного расследования меры пресечения избираются в отношении

¹² См.: Правопорядок и общественная безопасность в районах Санкт-Петербурга. По итогам 2014 г.

всех 100% обвиняемых¹³; и сейчас такое положение в основном сохраняется, за исключением, пожалуй, производства по делам несовершеннолетних.

В 2007 г. Комитет Министров Совета Европы, в связи с обилием жалоб от граждан Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека на нарушения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, принял Меморандум «Содержание под стражей в Российской Федерации: Меры по исполнению Постановлений ЕСПЧ»¹⁴. Основной претензией Страсбургского суда к постановлениям по мере пресечения, выносимым российскими судьями, являлось отсутствие в них надлежащей мотивировки.

Как следует из рекомендации Комитета Министров Совета Европы, мера пресечения в виде заключения под стражу должна рассматриваться как «санкция, к которой прибегают в крайнем случае, если применение любой другой меры будет явно неадекватным». Этой позиции соответствует норма, закрепленная в ч. 1 ст. 108 УПК РФ: заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

То есть для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу необходимо установить не только наличие оснований, позволяющих вообще избрать меру пресечения, но плюс еще некие дополнительные обстоятельства, свидетельствующие о невозможности применить более мягкую меру пресечения, чем заключение под стражу.

К сожалению, не только судьи, следователи и прокуроры, но нередко и адвокаты ошибочно полагают, что перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ оснований достаточно именно для помещения обвиняемого в следственный изолятор.

¹³ См.: Фомин М. Ю. Защита прав лиц, заключенных под стражу. — С. 3.

¹⁴ Доступ из СПС «Гарант».

Так, из 38 изученных материалов по апелляционным жалобам на избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу и на продление срока содержания под стражей лишь в одном случае адвокат заметил, что основания, изложенные следователем в ходатайстве о заключении обвиняемого под стражу, являются также и основаниями к избранию иных мер пресечения, перечень которых определен ст. 98 УПК РФ, — несмотря на то, что так составлены почти все ходатайства следователей и, соответственно, почти все постановления судов по данному вопросу.

Правоприменители недопонимают не только положения закона, но и вытекающие из него рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹⁵, о том, что заключение обвиняемого под стражу может быть избрано судом только при условии невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения. Некоторые ученые даже настаивают, что суды должны не просто указывать на невозможность применения более мягкой меры пресечения, а конкретно доказывать, что ни домашний арест, ни залог применить нельзя¹⁶. При этом возможность обойтись без заключения под стражу может быть обусловлена обстоятельствами, которым посвящена ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса, и эти обстоятельства вполне могут перевесить и тяжесть обвинения, и основания для избрания меры пресечения, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

¹⁵ См.: БВС РФ, 2014, № 2. — С. 15.

¹⁶ См.: *Барабаш А. С.* Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016, № 4. — С. 117.

И Генеральный прокурор РФ¹⁷, и руководитель Следственного комитета¹⁸ требуют от своих подчиненных в обязательном порядке исследовать вопрос о возможности применения иной, более мягкой меры пресечения, и учитывать состояние здоровья подозреваемого/ обвиняемого, его возраст, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства, а также исходить не только из тяжести совершенных им преступлений. И авторы «Практики применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» под общей редакцией председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева поддерживают такой подход, и в частности, однозначно утверждают, что «состояние здоровья обвиняемого является достаточным основанием для изменения меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест»¹⁹, безотносительно к тяжести преступления, в котором он обвиняется. В качестве классического примера гуманности в том же издании приводится казус Г., обвиняемого в создании преступного сообщества для совершения тяжких преступлений и руководстве таким сообществом, хищениях чужого имущества с причинением ущерба в крупном размере (ч. 1, п. «в» ч. 3, п. «а» ч. 4 (множество эпизодов) ст. 158, ч. 1 ст. 210 УК). После 14 месяцев содержания под стражей мера пресечения в отношении Г. изменена на домашний арест в связи с тем, что состояние здоровья обвиняемого ухудшилось, в условиях следственного изолятора он не может

¹⁷ Указание Генеральной прокуратуры РФ от 9 ноября 2011 г. № 392/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей», п. 1.7 // Законность. 2012. № 2. — С. 58–62.

¹⁸ Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 3 «Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей» (с изм. от 02.12.2011) // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации в Internet. — URL: <http://www.sledcom.ru/>. — Дата обращения 28.10.2016.

¹⁹ Практики применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — Доступ из СПС «Гарант».

получить необходимое лечение²⁰. Но следует заметить, что данный «классический пример гуманности» — скорее исключение, чем правило в практике российских судов. Наличие у обвиняемого хронических заболеваний, даже препятствующих содержанию под стражей (что подтверждено заключением врачей), далеко не всегда гарантирует освобождение, и сведения о личности, которые имеются в виду в контексте ст. 99 УПК РФ, зачастую не оказывают решающего влияния на выбор меры пресечения. К примеру, обжалуя решение о заключении под стражу обвиняемой П., защита указывала, что судом не учтены важные обстоятельства, связанные с тем, что обвиняемая впервые привлекается к уголовной ответственности, имеет постоянное место жительства и регистрации, постоянное место работы, престарелую мать, страдает хроническими заболеваниями, в связи с которыми ей необходимо диетическое питание и прием лекарственных средств²¹. **Но постановление суда I инстанции о заключении обвиняемой под стражу было оставлено в силе.**

По другому делу, в 2016 г., защита жаловалась, что судом не было учтено состояние здоровья обвиняемого, который страдает тяжкими заболеваниями и нуждается в лечении²²; апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения.

Позиции сторон при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу: проблемы и ошибки

В. В. Конин, изучив 380 материалов, указывает, что сторона обвинения обосновывает ходатайства о заключении обвиняемого под стражу и о продлении срока содержания под стражей следующим образом:

²⁰ Кассационное определение СК ВС РФ от 23.11.2010 № 43-О10–29. Электронный архив ВС РФ, 2010.

²¹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 10 марта 2016 г. по делу № 22К-2176/2016.

²² Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 19 января 2016 г. по делу № 22К-844/2016.

- тяжесть преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, — во всех изученных материалах, в том числе по преступлениям средней тяжести;
- скроется от следствия и суда — во всех изученных материалах;
- окажет давление на свидетелей и потерпевших — в 80% материалов;
- воспрепятствует производству по делу (как вариант — помешает установлению истины по делу) — во всех изученных материалах²³.

Защита по изученным в ходе подготовки данного обзора материалам, возражая против удовлетворения ходатайства о заключении обвиняемого под стражу, ссылалась на то, что:

- обвиняемый является гражданином Российской Федерации, имеет регистрацию, ранее не судим, впервые привлекается к уголовной ответственности, раскаивается в содеянном²⁴;
- обвиняемый страдает тяжкими заболеваниями и нуждается в лечении²⁵;
- решение суда о заключении под стражу не соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству, не обосновано и не мотивировано, судом не учтены и не проверены доводы защиты, и им не дано никакой оценки; выводы, изложенные в постановлении суда, не соответствуют установленным в ходе судебного заседания обстоятельствам²⁶;
- суд не проанализировал значимые обстоятельства, такие, как результаты расследования, поведение обвиняемого, который, зная о возбужденном уголовном деле, не пытался скрыться от следствия, уничтожить доказательства, оказать давление на участников уголовного судопроизводства

²³ См.: Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда. — С. 27–28.

²⁴ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 04 февраля 2016 г. по делу № 22К-1340/2016.

²⁵ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 19 января 2016 г. по делу № 22К-844/2016.

²⁶ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 01 декабря 2015 г. по делу № 22К-8757/2015.

либо иным образом воспрепятствовать расследованию преступления²⁷.

И практически во всех случаях защита заявляла о том, что выводы суда, содержащиеся в постановлении, равно как и указанные в ходатайстве следователя (относительно того, что обвиняемый может скрыться, оказать воздействие на неустановленных соучастников и свидетелей, препятствовать судопроизводству), материалами дела не подтверждаются и основаны на предположениях, либо вообще голословны; что судом не представлено конкретных доводов в подтверждение невозможности применения иной меры пресечения; что судом учтена лишь тяжесть обвинения и проигнорированы другие обстоятельства.

Из большинства материалов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу усматривается, что суды как первой, так и апелляционной инстанций, удовлетворяя ходатайство следствия, всегда ссылались в обоснование принятого решения на тяжесть предъявленного обвинения; и в то же время прочие обстоятельства из перечисленных в ст. 99 УПК РФ были просто упомянуты в постановлениях, но не оказывали влияния на принятие решения.

Так, например, при заключении под стражу обвиняемого Х. по уголовному делу № 300593 за 2012 г. никак не повлияли на выбор меры пресечения обстоятельства, касающиеся личных данных обвиняемого: исключительно положительные характеристики с места работы, наличие постоянного места жительства в Санкт-Петербурге, то, что на его иждивении находятся двое несовершеннолетних детей, он ранее не судим; был неоднократно награжден правительственными наградами и знаками отличия; его состояние здоровья (наличие нескольких тяжелых заболеваний, входящих в Перечень болезней, препятствующих содержанию под стражей).

В 2012 г. Санкт-Петербургским городским судом было предпринято обобщение судебной практики по рассмотрению ходатайств о продлении срока содержания под стражей в порядке ч. 7 ст. 109

²⁷ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 18 февраля 2016 г. по делу № 22К-1738/2016.

УПК РФ²⁸. В нем отмечается, что серьезным недостатком судебных постановлений являются ссылки на то, что обвиняемый может скрыться от правосудия, совершить новое преступление, оказать давление на свидетелей, без указания конкретных фактов и личных обстоятельств. Такие обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, т. е. подтверждаться достоверными сведениями. Несоблюдение этого требования — ошибка не столько судебных инстанций, сколько следственных органов: в обобщении судебной практики отмечается, что основания для продления срока содержания под стражей порой перечисляются органами предварительного расследования формально. Не раскрывая их и не приводя конкретных данных, позволяющих прийти к выводу, что обвиняемый может, например, скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства и т. д., органы следствия лишают суд возможности проверить и оценить их.

В одном только случае апелляционная инстанция упрекнула нижестоящий суд в том, что «обосновывая свое решение о продлении срока содержания под стражей, суд указал, что В. обвиняется в совершении тяжкого преступления корыстной направленности, что обстоятельства совершения им преступления, а также данные о личности обвиняемого дают основания полагать, что, находясь на свободе В., опасаясь ответственности за содеянное, может скрыться от органов предварительного расследования. При этом суд не указал, какие именно обстоятельства и данные о личности В. позволили ему прийти к такому выводу»²⁹.

В остальных аналогичных случаях апелляционная инстанция оставляла в силе решения нижестоящих судов, несмотря на этот недостаток. К примеру, принимая решение о заключении под стражу по одному из дел, районный суд не привел никаких обстоятельств, объясняющих, почему обвиняемому избрана именно эта мера пресечения: «Характер и степень тяжести предъявленного обвинения в совершении тяжких корыстных преступлений,

²⁸ Доступ из СПС «Гарант».

²⁹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 16 февраля 2016 г. по делу № 22К-1656/2016.

группой лиц по предварительному сговору, за каждое преступление уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, данные преступления имеют повышенную общественную опасность, свидетели опасаются давления на них со стороны обвиняемых с целью изменения показаний». Решение было оставлено в силе³⁰. «В суд представлены материалы дела, свидетельствующие о достаточности данных об имевших место событиях преступления, а также обоснованности подозрения З. в причастности к совершенному преступлению, относящегося к категории особо тяжких, за которые предусмотрено наказание свыше трех лет лишения свободы, в связи с чем суд обоснованно полагает, что в случае избрания З. иной меры пресечения он может скрыться от органов предварительного расследования либо воспрепятствовать производству по делу»³¹. «При решении вопроса о продлении срока содержания обвиняемого К. под стражей суд согласился с доводами, приведенными в ходатайстве, правильно учел характер и степень общественной опасности инкриминируемых К. преступлений, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на длительный срок, что позволило суду сделать обоснованный вывод, что обвиняемый может скрыться от органов следствия и суда»³². По решению Октябрьского суда Санкт-Петербурга был заключен под стражу обвиняемый Х. (уголовное дело № 300593 за 2012 г., ГСУ СК по Санкт-Петербургу), и в дальнейшем ему неоднократно продлевался срок содержания под стражей, в общей сложности обвиняемый провел в заключении 18 месяцев. Эти решения принимались на основе ничем не подтвержденных предположений следствия о том, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью (при том условии, что ему вменялись в вину

³⁰ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 27 августа 2015 г. по делу № 22К-6328/2015.

³¹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 26 мая 2015 г. по делу № 22К-3990/2015.

³² Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 08 декабря 2015 г. по делу № 22К-8867/2015.

события трехлетней давности и не имелось фактов какой-либо преступной деятельности с момента предполагаемого совершения преступления до момента рассмотрения ходатайства о заключении под стражу). Доводы следствия и суда и том, что, находясь на свободе, обвиняемый может угрожать свидетелям, основывались только на том, что свидетели дают против него показания, в то время как никаких сведений об угрозах не было.

Суд ссыался также на то, что обвиняемый может скрыться от органов следствия, поскольку место его работы расположено в Московской области и работа связана с выездами в различные регионы РФ, — в то время как его семья живет в Санкт-Петербурге. Но такой характер работы не является свидетельством возможности побега. Ссылка на то, что обвиняемый, находясь на свободе, может вступить в сговор с не задержанными предположительными соучастниками, что воспрепятствует производству по уголовному делу, также носила исключительно предположительный характер и ничем не была обоснована.

Фактически суд опирался только на тяжесть предъявленного обвинения, несмотря на то, что в решениях Европейского Суда по правам человека неоднократно подчеркивалось, что тяжесть предъявленного обвинения сама по себе не может служить основанием ни для заключения под стражу, ни для оправдания длительных сроков содержания под стражей (Мишкеткуль против Российской Федерации, § 53; Панченко против Российской Федерации, § 102).

В решении Европейского Суда по правам человека по делу *Летелье (Letellier) против Франции* еще в 1991 г. было указано, что «особая тяжесть некоторых преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение по крайней мере в течение определенного времени. Однако этот фактор можно считать оправданным и необходимым только если имеются основания полагать, что освобождение задержанного реально нарушит публичный порядок или если этот порядок действительно находится под угрозой»... «Предварительное заключение не должно предвосхищать наказание в виде лишения свободы и не может быть „формой ожидания“ обвинительного приговора».

Эта позиция ЕСПЧ полностью укладывается как в положения российского уголовно-процессуального закона, так и в разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению; и что заключение под стражу не может быть избрано в качестве меры пресечения, если отсутствуют предусмотренные ст. 97 УПК РФ основания для избрания меры пресечения, а именно: данные (фактические данные, а не предположения) о том, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжать заниматься преступной деятельностью, либо угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, либо уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Что можно считать «конкретными данными, позволяющими прийти к выводу, что обвиняемый может, например, скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства и т. д.»?

Это данные, которые указывают на возможное поведение обвиняемого с высокой долей вероятности. Например, суд указал, что обвиняемый не проживает по месту регистрации, не работает, имеет заграничный паспорт. Уголовное дело возбуждено в период действия избранной в отношении него меры пресечения по другому уголовному делу³³. По другому делу судом учтены сведения о том, что обвиняемый длительное время проживал без регистрации с использованием поддельного паспорта и не имел легальных средств к существованию; это дает основания полагать, что в случае нахождения на свободе обвиняемый может скрыться от следствия и суда и продолжить заниматься преступной деятельностью³⁴. Это соответствует позиции ЕСПЧ, которую приводит

³³ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 28 января 2016 г. по делу № 22–1145/2016.

³⁴ Апелляционное определение СК по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 16 декабря 2014 г. по делу № 22К-8936/2014.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики за 2 квартал 2013 г.³⁵: «В отношении опасений, что заявитель мог скрыться от правосудия, Суд отметил, что внутригосударственные суды учитывали наличие у заявителя заграничного паспорта и родственников, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации, его частые выезды за границу, а также существенные финансовые ресурсы»... «совокупность указанных фактов вместе с соответствующими основаниями могла предоставить национальным судам понимание модели поведения заявителя и существование риска того, что он мог скрыться от следствия».

В научной литературе это трактуется следующим образом: «Наличие заграничного паспорта у подозреваемого само по себе недостаточно для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а наличие такого паспорта в совокупности со сведениями о приобретении авиабилета за рубеж может быть достаточным, так как обнаруживает умысел скрыться от органа предварительного расследования и суда»³⁶.

Сложность принятия решения в случаях, когда суду следует сделать логический вывод из данных, которые не являются прямыми доказательствами, а всего лишь указывают на возможность определенного варианта развития событий, заключается в грамотной реализации судьейского усмотрения. Ведь «специфика свободы судьейского усмотрения при оценке общественно опасного деяния, личности виновного и иных обстоятельств дела состоит в обращении к субъективным представлениям о справедливом и обоснованном»³⁷. Так, в п. 5 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 Пленум ВС РФ разъяснил: предъявление лицу обвинения в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества может указывать на то, что обвиняемый попытается воспрепятствовать производству по уголовному делу;

³⁵ Утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 20 ноября 2013 г. Доступ из СПС «Гарант».

³⁶ Скабелин С. И. Соотношение понятий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. Доступ из СПС «Гарант».

³⁷ Лопатина Т. М. Судейское усмотрение: теория и практика регионального применения // Журнал российского права. 2016. № 7. Доступ из СПС «Гарант».

но нельзя воспринимать это разъяснение как безусловную догму — лицо, которому предъявлено обвинение в членстве в преступном сообществе, обязательно должно быть заключено под стражу. Да, совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества скорее всего будет выступать веским доводом в пользу заключения обвиняемого под стражу, но лишь в случае приведения обоснований, как это может помешать производству по делу. Например: «Преступления, (по которым в настоящий момент предъявлено обвинение и вновь выявленные) совершены организованной устойчивой преступной группой, носят характер заранее спланированных и организованных, обнаруженные и изъятые наркотические средства были ввезены на территорию РФ из других стран контрабандным путем, местонахождение и личности иных участников указанной преступной группы не установлены, что существенно затрудняет сбор доказательств по уголовному делу»³⁸.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, даже отсутствие у лица регистрации на территории России само по себе не является обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу, а может выступать лишь одним из доказательств отсутствия у него постоянного места жительства.

По делу о мошенничестве при особо отягчающих обстоятельствах суд удовлетворил ходатайство следственных органов о заключении обвиняемого под стражу в связи с тем, что обвиняемый занимался преступной деятельностью вплоть до момента задержания, имеет обширные связи в правоохранительных органах, будучи в прошлом сотрудником МВД, и может препятствовать расследованию³⁹.

Это также соответствует позиции ЕСПЧ, приведенной в упоминавшемся Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ:

³⁸ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 02 июля 2015 г. по делу № 22К-4867/2015.

³⁹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда № -22К-2768/2015 от 14 апреля 2015 г.

«Относительно риска оказания давления на свидетелей Суд отметил следующее. „Власти ссылались на заявления свидетелей, которые жаловались следственным органам на угрозы в их адрес. Власти также принимали во внимание значительные финансовые ресурсы заявителя и его связи с преступным миром и «коррумпированными» государственными служащими в различных правоохранительных органах, которые давали ему возможность оказывать воздействие на свидетелей и уничтожить доказательства в случае нахождения на свободе“. С учетом данных обстоятельств Суд пришел к выводу, что „риск вступления в сговор был столь высок, что им нельзя было пренебрегать ввиду состояния здоровья заявителя в той степени, чтобы содержание его под стражей не могло быть оправдано“».

В то же время в постановлениях петербургских судов можно встретить выводы, не только основанные на предположениях, но даже и противоречащие фактическим данным, установленным судом. Так, по одному из дел суд полагает, что обвиняемый может воспрепятствовать расследованию, так как является гражданином иностранного государства – Республики Беларусь, и, осознавая тяжесть совершенных им деяний, может скрыться от органов предварительного следствия и суда. В постановлении суда не только не приведено никаких фактов, подтверждающих возможное намерение обвиняемого воспрепятствовать расследованию (этот вывод делается лишь на основании его белорусского гражданства), но и, напротив, упоминается, что обвиняемый сотрудничает со следствием⁴⁰.

Очевидно, что, решая вопрос о заключении обвиняемого под стражу или о продлении срока содержания под стражей, суд обязан принимать во внимание фактические сведения, изложенные в документах, имеющих статус доказательства, которые могут быть проверены в судебном заседании. В качестве отрицательных примеров в научной литературе приводятся справки работников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность,

⁴⁰ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 10 декабря 2015 г. по делу № 22К-8953/2015.

о наличии некой оперативной информации⁴¹. По уголовному делу № 300593 за 2012 г. в суд с ходатайством о заключении обвиняемого под стражу была представлена справка-меморандум, содержащая фактические ошибки в номерах телефонов, в именах, в характере связей между фигурантами по делу и другими лицами, со ссылками на сведения, найденные в Интернете. Однако суд без проверки указанных в ней обстоятельств принял ее во внимание, сославшись на то, что эта справка-меморандум представляет собой документ о результатах проведения оперативно-розыскных мероприятий, надлежащим образом оформленный, и использовал в обосновании решения о заключении обвиняемого под стражу.

По другому делу была представлена справка оперуполномоченного, которая, по мнению адвоката, не соответствовала требованиям ст. 74 и 89 УПК РФ, предъявляемым к доказательствам, и вдобавок содержала ложные сведения⁴².

В данном случае спор между сторонами сводился к тому, могут ли результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в виде справки или справки-меморандума, быть использованы судом как фактические обстоятельства при решении вопроса о заключении под стражу.

Справка-меморандум представляет собой служебный документ, в котором обобщаются сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Суды принимают такие справки и основывают на них свои решения, полагая, что поскольку справка представлена в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд⁴³, она автоматически отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам, как

⁴¹ См.: *Конин В. В.* Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда. — С. 28.

⁴² Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 19 января 2016 г. по делу № 22К-844/2016.

⁴³ Утверждена Приказом МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

это предписывает ст. 89 УПК РФ. Но это неправильная позиция, обусловленная отождествлением и смешением порядка проведения и документального оформления оперативно-розыскных мероприятий и порядка производства и фиксирования результатов следственных действий, что, по мнению многих ученых, недопустимо, так как может повлечь за собой существенные нарушения законных прав и свобод граждан⁴⁴.

Как справедливо замечают авторы Комментария к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», результаты ОРД – это не фактические данные, а сведения о фактах или об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. «Соответственно в процессуальном смысле о результатах ОРД как о фактических данных говорить преждевременно, здесь это лишь сведения о фактах, которые предстоит установить»⁴⁵. Поэтому справки о результатах ОРД сами по себе, без проверки содержащихся там сведений в судебном заседании, не могут служить основаниями для принятия необходимых процессуальных решений по уголовному делу, в том числе о применении мер процессуального принуждения, а их использование должно ограничиваться тем, что они содержат ориентирующую информацию при производстве по уголовным делам⁴⁶.

Выводы. Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам.

⁴⁴ См.: Чистанов Т. О., Карпинчик А. В. Практические проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 26. — С. 117–118; Зажицкий В. Трудности представления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 38; Луковников Г. Д. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 2–3. — С. 172.

⁴⁵ Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). — Деловой двор, 2008. — Доступ из СПС «Гарант».

⁴⁶ См.: Зажицкий В. Трудности представления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности. — С. 38.

Нормативного и доктринального обеспечения правильного применения меры пресечения в виде заключения под стражу — достаточно: закон сформулирован в основном адекватно, высшими и международными судебными инстанциями даны подробные разъяснения, судами краевого и областного уровня проводится регулярный мониторинг практики, имеется достаточное количество научных трудов по теме.

Однако правоприменители демонстрируют неправильное понимание положений закона. Следственные органы и органы дознания при возбуждении ходатайств о заключении обвиняемых и подозреваемых под стражу часто формально подходят к составлению ходатайств, ссылаются на сведения, полученные с нарушением закона или из не заслуживающих доверия источников (Интернет, слухи). Суды нередко проявляют обвинительный уклон, заведомо соглашаясь с позицией обвинения о необходимости заключения обвиняемого/подозреваемого под стражу и некритически относясь к обоснованию ходатайств. Адвокаты не до конца понимают положения ст. 97, 99 и 108 УПК РФ, и не обращают внимание судов на нарушения стороной обвинения положений указанных статей УПК.

При составлении, поддержании и рассмотрении ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу сторонам и суду следует руководствоваться законодательным пониманием назначения уголовного судопроизводства, закрепленным в ст. 6 УПК РФ, согласно которому защита личности от необоснованного ограничения ее прав и свобод так же важна, как и защита лиц, потерпевших от преступлений. Оправдывать применение чрезмерно жестких процессуальных мер интересами общества недопустимо, общественная безопасность может быть обеспечена только достижением разумного баланса между задачами противодействия преступности и соблюдением прав человека. Приводя доводы в обоснование применения той или иной меры пресечения, стороны в процессе, равно как и суд, не должны пренебрегать ничем из законодательного инструментария, позволяющего достичь такого баланса. Применительно к выбору и санкционированию меры пресечения в виде заключения под стражу это означает, что стороны в процессе должны представить, а суд оценить,

причем не формально, обстоятельства и данные о личности обвиняемого/подозреваемого таким образом, чтобы отвергнуть неподтвержденные предположения и принять те факты и сведения, которые, если воспользоваться терминологией Страсбургского суда, способны убедить объективного наблюдателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барабаш А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016, № 4.
2. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). — Деловой двор, 2008. — Доступ из СПС «Гарант».
3. Гольцов А. Т. Заключение под стражу в Российской Федерации: автореф. дисс... канд. юрид. наук. — М.: 2006.
4. Зажицкий В. Трудности представления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2000. № 1.
5. Конин В. В. Избрание и продление срока содержания под стражей в российском уголовном судопроизводстве и стандарты Европейского суда // Адвокат. 2010. № 12.
6. Луковников Г. Д. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 2–3.
7. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. — М., 2013.
8. Сагайдак А. Ю., Корсикова Н. А. Криминологический анализ состояния преступности в Санкт-Петербурге за 2010–2015 годы // Наука и практика. 2016. № 2 (67).
9. Скабелин С. И. Соотношение понятий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права, 2014. № 8. Доступ из СПС «Гарант».
10. Уланова Ю. Ю. О проблемах реализации статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2010. № 5.

11. *Фомин М. Ю.* Защита прав лиц, заключенных под стражу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001.
12. *Чистанов Т. О., Карпинчик А. В.* Практические проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 26.
13. *Щерба С., Попова А.* Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016, № 1.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

**Сборник материалов круглого стола
2 ноября 2016 года**

Составители:

Калиновский Константин Борисович
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
кандидат юридических наук, доцент
Защлятин Леонид Александрович
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
кандидат юридических наук

Под общей редакцией:

Шишлова Александра Владимировича,
Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге,
кандидата физико-математических наук

Технический редактор: Пронина А. С.

Корректор: Петрова Т. А.

ООО ИД «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, 5 эт., пом. 498, тел. 336 50 34
e-mail: info@petropolis-ph.ru
<http://www.petropolis-ph.ru>
<http://www.petrobook.ru>

Подписано в печать 21.04.2017.

Формат 60 × 84¹_{/16}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. 6, 1 п.л.

Тираж 100. Заказ 32.

Отпечатано в типографии «Град Петров»

ООО ИД «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16